

Санкт-Петербургский государственный университет  
Институт истории  
Кафедра истории России с древнейших времен до XX века

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА  
по направлению 46.03.01 – «История»  
СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ XIV В.  
В ЛЕТОПИСЯХ И АКТАХ

Выполнил:

Студент 4 курса, 5 группы  
Кравцов Лев Максимович

\_\_\_\_\_ /Подпись/

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор  
кафедры истории России с древнейших  
времен до XX века

Дворниченко Андрей Юрьевич

\_\_\_\_\_ /Подпись/

Рецензент:

Кандидат исторических наук, доцент  
кафедры исторического регионоведения  
Штыков Николай Валерьевич

\_\_\_\_\_ /Подпись/

Санкт-Петербург  
2021

## Содержание:

<b><u>I. Введение</u></b> .....	4
<b><u>II. Основная часть</u></b> .....	9
<b>Глава 1. Устойчивые выражения, характеризующие новгородскую общину XIV в.</b> .....	9
§1. «От мала и до велика».....	9
§2. «И от всех старейших, и от всех меньших» и «весь Новгород».....	16
<b>Глава 2. Социальная терминология Н1Л.</b> .....	20
§1. «Абстрактные» категории.....	20
§2. Социальные слои Новгорода.....	24
<b>Глава 3. «Вятские» в XIV в.: упоминания в источниках, социальная эволюция.</b> .....	28
§1. Бояре.....	28
§1. Житыи люди.....	36
<b>Глава 4. «Меншие» в XIV в.: упоминания в источниках, социальная эволюция.</b> .....	45
§1. «Черные люди».....	45
§2. «Молодцы», «молодые люди», ушкуйники.....	49
§3. «Простая чадь», «крамолници».....	53
<b>Глава 5. Представление новгородской общины и упоминания купцов в актовом материале.</b> .....	56
§1. Представление новгородской общины в начальной части договорных грамот Новгорода с князьями.....	56
§2. Купечество.....	63
<b><u>III. Заключение</u></b> .....	67
<b><u>IV. Список использованных источников и литературы</u></b> .....	70
<b><u>V. Список иллюстративного материала</u></b> .....	74
<b><u>VI. Приложения</u></b> .....	75

Таблица 1 – Социальная терминология договорных грамот Новгорода с князьями.....	75
---	----

## І. Введение

Данная работа посвящена отражению социальной эволюции<sup>1</sup> новгородской общины XIV в. в таких исторических источниках, как летописи и акты.

Тему настоящей работы можно считать актуальной и перспективной, поскольку она связана с социальной историей, которая зародилась в XIX в., приобрела особо важное значение в XX в. и сохраняет значимость в современной исторической науке.

Кроме того, хронологический период, который будет затронут в данной работе, по мнению ряда исследователей, имеет особое значение для истории Новгорода и поэтому заслуживает особого внимания. «Наибольшего расцвета Новгород Великий достиг в XIV в.», – пишет А. В. Арциховский<sup>2</sup>. В. Л. Янин называет XIV в. «порой расцвета Новгородской боярской республики»<sup>3</sup>. «Не менее ярко и убедительно, чем в политической жизни, расцвет Новгорода в XIV в. отражен в его культуре. Исследователи новгородского искусства давно выделили XIV век как золотой век новгородского зодчества и монументальной (фресковой) живописи», – пишет В. Н. Бернадский<sup>4</sup>. Как видим, исследователи считают, что рассматриваемый период был ознаменован расцветом Великого Новгорода. Не только политическое, экономическое, культурное, но и социальное развитие Новгородской республики в XIV в., как будет показано в работе, можно считать принципиально важным. Рассматриваемый период стоит признать заслуживающим исследования также и потому что, события и

---

<sup>1</sup> Сам термин «социальная эволюция» был применен по отношению к древнерусской общине Ю. Г. Алексеевым (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 242–274.).

<sup>2</sup> Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 1. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. С. 15.

<sup>3</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 493.

<sup>4</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 24-25.

процессы XIV в. известны по имеющимся источникам лучше, чем события предшествующих веков.

Постановку вопроса об эволюции древнерусской городской общины на примере Новгорода можно считать правомерной, ведь история этого города освящена в большем количестве источников, чем события в других древнерусских землях. Кроме того, новгородская община представляет особый интерес, ведь на протяжении всего периода независимости республики именно она была носителем власти. Однако в вопросах о составе городской общины Великого Новгорода, о роли различных социальных групп города нет единого мнения.

Цель настоящей работы – рассмотреть отражение эволюции новгородской общины XIV в. в летописях и актах. Вытекающие из данной цели задачи связаны, во-первых, с анализом упоминаний различных социальных категорий и слоев в источниках. Будет подсчитано количество упоминаний разных социальных категорий и слоев в летописных рассказах IX–XV вв. (при этом пристальное внимание будет сосредоточено на сообщениях XIV в.). Сообщения о различных социальных категориях будут проанализированы как по отдельности, так и в связи с другими упоминаниями. Во-вторых, с опорой на материалы летописей, источников, историографию в работе воссозданы обобщающие «портреты» различных социальных слоев Новгорода XIV в. В исследовании будет показана не только общая эволюция всей новгородской общины в XIV в., но и эволюция отдельных социальных групп в этом столетии. В-третьих, к задачам данной работы нужно отнести анализ устойчивых выражений и формуляров грамот, характеризующих новгородскую общину.

В работе будет рассматриваться эволюция общины только самого Новгорода, но не его сельской округи и пригородов. Это обусловлено тем, что сами источники более внимательны к городской, а не сельской жизни. «Необходимо здесь же сделать оговорку о том, что летописцы очень мало говорят о деревне, не потому, что о ней нечего было сказать, а потому, что

авторы летописей сами горожане, интересуются прежде всего городскими событиями и в первую голову, конечно, событиями в самом Великом Новгороде, уделяя внимание пригородам лишь наиболее видным (например, Пскову, Ладогe, Новому Торгу)», – писал об этом А. А. Строков<sup>5</sup>. Вопрос о статусе пригородов и сельской округи и их соотношении с главным городом требует отдельного исследования.

Данная работа основывалась, прежде всего, на таких источниках, как летописи: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – Н1Л ст. и мл.)<sup>6</sup>, Новгородская четвёртая летопись (далее – Н4Л)<sup>7</sup>, Софийская первая летопись (далее – С1Л)<sup>8</sup>, Новгородская Карамзинская летопись (далее – НКЛ)<sup>9</sup>. Из документальных источников при написании работы привлекались грамоты отношений Новгорода с князьями, грамоты отношений Новгорода с Западом, грамоты внутреннего управления Новгорода, а также частные грамоты. Все перечисленные типы документальных источников изданы в 1949 г. коллективом авторов под руководством С. Н. Валка<sup>10</sup>. В работе В. Л. Янина многие из грамот были датированы иначе, чем в издании 1949 г.<sup>11</sup>. Данная работа опирается на датировку грамот, предложенную Яниным.

Работа с источниками была сопряжена с обращением к словарям древнерусского языка, а именно: к классическому словарю И. И. Срезневского<sup>12</sup>, к объёмному словарю в 30 выпусках (издание началось в 1975 г.), который охватил значительный хронологический период (XI–XVII вв.)<sup>13</sup>, а также к наиболее современному словарю древнерусского языка XI–XIV вв., который насчитывает к настоящему времени 12 томов<sup>14</sup>.

<sup>5</sup> Строков А. А. Борьба смердов и «черных» людей в Новгороде Великом // Новгородский исторический сборник. 1937. Вып. 2. С. 16.

<sup>6</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950 (далее – Н1Л ст. и мл.).

<sup>7</sup> ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. М., 2000. Новгородская четвёртая летопись (далее – Н4Л).

<sup>8</sup> ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Софийская первая летопись старшего извода (далее – С1Л).

<sup>9</sup> ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. Новгородская Карамзинская летопись (далее – НКЛ).

<sup>10</sup> Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП). М.; Л., 1949.

<sup>11</sup> Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

<sup>12</sup> Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III.

<sup>13</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII вв.). М., 1975–2015. Вып. 1–30.

<sup>14</sup> Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (далее – СДРЯ). М., 1988–2019. Т. I–XII.

Отметим некоторые методы работы с источниками, которые нашли применение в данной работе. Наиболее значительный из них – сопоставление списков указанных выше летописей. Последний приём, согласно Д. С. Лихачёву, – это «самая трудоёмкая часть работы текстолога и самая важная, от которой зависят основные ее результаты»<sup>15</sup>. Другой методический приём был связан с лингвистическим анализом формулировки «от мала и до велика». Также был применен метод контент-анализа по отношению к летописному (в 1 и 2 главе) и актовому (в 5 главе) материалу: проведен подсчет упоминаний какой-либо социальной категории или формулировки и на основании полученных результатов построена таблица.

Некоторые из результатов данного исследования были апробированы на II международной научной конференции «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты», состоявшейся 11–12 сентября 2020 г. в ИМЛИ РАН. Доклад (и статья) автора настоящей работы был посвящён интерпретациям упомянутого устойчивого выражения «от мала и до велика». Как будет показано в работе, одно из толкований этой формулировки имеет важное значение для понимания социальной эволюции древнерусской общины.

Рассматриваемая в настоящей работе тема была затронута в исследованиях ряда авторов. Прежде всего необходимо упомянуть работу Ю. Г. Алексеева об эволюции древнерусской городской общины на примере «черных людей» Новгорода и Пскова<sup>16</sup>. Важные аспекты социальной истории Новгорода XIV в. исследованы в работах В. Н. Бернадского<sup>17</sup>, В. Л. Янина<sup>18</sup>,

---

<sup>15</sup> Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 175.

<sup>16</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди» ...

<sup>17</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля...

<sup>18</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники...; Он же. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. С. 79–95; Он же. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

М. Х. Алешковского<sup>19</sup>, О. В. Мартышина<sup>20</sup>, П. В. Лукина<sup>21</sup>, А. В. Петрова<sup>22</sup>, М. А. Несина<sup>23</sup>.

Кратко охарактеризуем структуру данной работы. Первая глава посвящена анализу отдельных формулировок, характеризующих новгородскую общину: выражений, имеющих устойчивый характер («от мала и до велика», «и от всех старейших, и от всех меньших», «весь Новгород»). Во второй главе рассматривается социальная терминология Н1Л: «абстрактные» категории и отдельные социальные слои. В третьей и четвертой главах социальные слои Новгорода будут распределены между теми большими категориями, которые указаны в предшествующих главах («вятские» и «меньшие»), и рассмотрены с опорой на источники и историографию. В пятой главе проанализированы вступительные части грамот, имеющих сходную структуру, но различающихся между собой содержательно и позволяющих судить о новгородской городской общине, а также новгородское купечество как социальная категория.

---

<sup>19</sup> Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–111.

<sup>20</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. – URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>21</sup> Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

<sup>22</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. СПб., 2003.

<sup>23</sup> Несин М. А. Новгородские житыи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 247–309. URL: [http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin\\_8](http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8) (дата обращения: 08.05.2021).



## **II. Основная часть**

### **Глава 1. Устойчивые выражения, характеризующие новгородскую общину XIV в.**

#### **§1. «От мала и до велика»**

В новгородских летописях и актах неоднократно встречаются выражения, имеющие две отличительные особенности. Во-первых, в них названы две противоположные социальные группировки. Во-вторых, эти два полярных слоя в формулировках не разделяются, а объединяются. Среди этих выражений мы находим следующие: «от мала и до велика», «и от всех старейших, и от всех меньших», «оть велика дажь и до убога»<sup>24</sup>, «оть юнаго и до старца»<sup>25</sup>, «оть велможь даже и до меншихъ людей»<sup>26</sup>, «и к болшимъ и к молодымъ»<sup>27</sup>, «оть болшихъ и до меншихъ»<sup>28</sup>. Первая из названных формул заслуживает особого внимания, ведь она имеет древние истоки, неоднократно встречается в древнерусской письменности (значительно чаще, чем другие перечисленные выше формулировки) и имеет несколько интерпретаций. Выражение «от мала и до велика», имеющее с самого раннего времени устойчивый характер и сохраняющееся в современном русском литературном языке как фразеологизм, можно встретить в различных произведениях древнерусской письменности: в летописях, в церковно-книжной литературе, в договорных грамотах. Можно найти эту формулу и в одной из берестяных грамот.

---

<sup>24</sup> Срезневский И. И. Материалы ... Т. I. Стб. 236.

<sup>25</sup> Н4Л. С. 335.

<sup>26</sup> СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С.89.

<sup>27</sup> ГВНП. С. 57.

<sup>28</sup> Н4Л. С. 380.

Выражению «от мала и до велика» посвящено только одно специальное исследование – статья Т. Л. Вилкул «“От мала и до велика“. К происхождению книжной формулы». Исследовательница приходит к выводу о том, что рассматриваемое выражение – «оборот преимущественно библейский».<sup>29</sup> В то же время в историографии подмечено, что преувеличение украинской исследовательницей «ориентации наших книжников на архаические образцы библейских книг, житий святых и переводных хроник» мешает адекватной герменевтической трактовке древнерусских текстов<sup>30</sup>. В статье Вилкул перечислены многие случаи употребления формулировки в древнерусской литературе и показан контекст использования слов «от мала и до велика». Однако вопрос, связанный с интерпретацией этой формулировки, не был затронут, в связи с чем в рамках данной работы будут рассмотрены три возможных истолкования книжного выражения. Одна из предложенных интерпретаций будет особенно важна при рассмотрении социальной эволюции новгородской общины. Также будут приведены некоторые примеры использования формулировки, на которые не обратила внимание Т. Л. Вилкул. Будет показан контекст рассматриваемых случаев употребления слов «от мала и до велика» в НІЛ ст. и мл.

Первое из трех истолкований наиболее древнее и особенно важное в контексте рассматриваемой темы. Речь идёт о «социальной» интерпретации, которую предложили составители Словаря русской фразеологии<sup>31</sup>. Если следовать этому истолкованию, то рассматриваемое выражение объединяет людей, занимающих различное социальное положение в древнерусской общине: от низов до верхов. «Первоначально (и до XVI–XVIII вв.) оно [выражение – Л.К.] имело четкую социальную семантику: мал (малый) характеризовало простых, бедных, подчиненных, эксплуатируемых людей

---

<sup>29</sup> Вилкул Т. Л. «От мала и до велика». К происхождению книжной формулы // Сословия, институты и государственная власть в России: средние века и раннее Новое время: сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. М., 2010. С. 357.

<sup>30</sup> Дворниченко А. Ю. «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...» – о кн. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. 2011. С. 152–157.

<sup>31</sup> Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

(ср.: люди малые, мелкие, меньшие и т. п.), а велик (великий) – представителей господствующих классов, богатую и родовитую знать, князей, бояр (ср.: люди великие, богатые, высокие, большие, ближние и т. п.)»<sup>32</sup>.

Подтверждения этой интерпретации также можно найти и в словарях. Ещё в словаре И. И. Срезневского приведено выражение, которое очень похоже на рассматриваемое: «обиды не створити ни малу, ни велику»<sup>33</sup>. И здесь слово малый определено как «простой, незнатный» (то есть малый по статусу и положению, а не по возрасту). Точно так же интерпретировали эти слова и составители словаря русского языка XI–XVII вв.<sup>34</sup>. В этом словаре приведён ещё один пример сопоставления категорий «малый» и «великий»: «И сътворить вся и малыя и великыя и богатыя и убогыя и рабы и свободныя» [14, с. 22]<sup>35</sup>. Здесь слово «малый» интерпретировано с социальных позиций: «незнатный, простой, бедный человек». Составители словаря древнерусского языка XI–XIV вв. привели слова Кирилла Туровского с использованием выражения, близкого к рассматриваемому: «вся крстьяны, малыа с великими, нищаа с батыми, рабы съ свободным, старць со уношами»<sup>36</sup>. Здесь слово «великий» определено как «знатный, почитаемый». Как видим, довольно часто категории «малый» и «великий», оказавшись рядом, интерпретировались составителями словарей с «социальных» позиций. Известно много других случаев использования слов «малый» и «великий» именно в «социальном» и «статусном» значении: «малые люди», «малые бояре», «великий князь», «великие бояре». Таким образом, если принять во внимание многозначность слов «малый» и «великий» (это отмечено во всех трёх словарях древнерусского языка), то можно предположить, что выражение «от мала и до велика» могло использоваться в древнерусской книжности и в «социальном» значении.

<sup>32</sup> Словарь русской фразеологии... С. 363.

<sup>33</sup> Срезневский И.И. Материалы ... Т. II. Стб. 106–107.

<sup>34</sup> СлРЯ XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 22.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> СДРЯ. М., 1988. Т. I. С. 385.

С опорой на «социальную» интерпретацию выражения можно сделать ряд исторических выводов, в том числе о социальном развитии древнерусской общины. Целый ряд историков судил о процессе дифференциации общины, например, по формуле новгородских договорных грамот: «и от всех старейших, и от всех меньших»<sup>37</sup>. Единая общность «новгородцев» с течением времени распадалась именно на эти две группы: «старейших» и «меньших». Об эволюции древнерусской общины можно судить и по формуле «от мала и до велика» (если вспомнить о её «социальном значении»). На эту возможность указал А. Ю. Дворниченко, заметив, что рассматриваемое выражение «свидетельствует о растущей дифференциации городской общины»<sup>38</sup>. Необходимо отметить, что обе формулы («и от всех старейших, и от всех меньших», «от мала и до велика») довольно похожи: обе охватывают весь социум (в данном случае – всю общину Великого Новгорода), разделяя его жителей на две группы.

Продолжая исследование Ю. Г. Алексеевым эволюции общины Великого Новгорода, стоит внимательнее присмотреться к использованию слов «от мала и до велика» в Н1Л ст. и мл. При описании более позднего исторического периода формулировка встречается чаще. В Н1Л ст. искомое выражение используется 4 раза (под 1197 г., два раза – под 1270 г., под 1325 г.), а в Н1Л мл. – 7 раз (в тех же случаях, что и в старшем изводе той же летописи, а также под 1299, 1307<sup>39</sup>, 1330 гг.). Как видим, составителем более позднего списка Н1Л были повторены (ведь, как было отмечено ещё А. А. Шахматовым, основным источником для составителя протографа Н1Л мл. служил единственный список Н1Л ст.<sup>40</sup>) все имеющиеся в старейшем списке летописи четыре случая использования слов «от мала и до велика» (под 1197 г., два раза – под 1270 г., под 1325 г.), но также и добавлены три новых (под

<sup>37</sup> См. напр.: Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 251; Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021); Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 422.

<sup>38</sup> Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М., 2013. С. 108.

<sup>39</sup> В сообщении о событиях этого года выражение «перевернуто»: «от велика и до мала». Сообщению Н1Л мл. о 1307 г. соответствует статья Н1Л ст. о 1308 г.

<sup>40</sup> Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 162.

1299, 1307, 1330 гг.). Частота использования выражения в НІЛ показана в таблице 1.

Таблица 1 – Формула «от мала и до велика» в НІЛ

	Формула «от мала и до велика» в НІЛ ст.	Формула «от мала и до велика» в НІЛ мл.
X в.		
XI в.		
XII в.	1197 г.	1197 г.
XIII в.	1270 г. (дважды)	1270 (дважды), 1299 гг.
XIV в.	1325 г.	1307, 1325, 1330 гг.

Тот факт, что формулировка особенно часто встречается в НІЛ мл. в сообщениях о конце XIII-начале XIV вв. (с 1299 до 1330 гг.), согласуется с гипотезами исследователей о том, что в 30-е гг. XIV в. мог быть составлен новгородский летописный свод<sup>41</sup>. Можно предположить, что три случая использования формулировки в НІЛ (с 1299 до 1330 гг.) восходят именно к этому своду и были написаны рукой одного писца. Наблюдение об учащении использования искомого выражения в НІЛ вполне согласуется с замечаниями историков о том, что единая общность новгородцев с течением распадалась на более мелкие социальные группы, и подтверждает то, что слова «от мала и до велика» можно трактовать в «социальном» ракурсе, используя их в качестве критерия дифференциации древнерусской общины (на «малых» и «великих»).

Использование выражения в актовом материале приходится на то же время: вторая половина XIII – первая половина XIV вв. Формулировка встречается в грамотах, которые находятся в издании 1949 г. под номерами 3 и 14 (отнесены В. Л. Яниным к 1268 и 1327 гг.).

С течением времени рассматриваемое выражение изменило свое значение. Вторая интерпретация сводится к следующему: формула «от мала и до велика» охватывает представителей всех возрастов, то есть всех от «малых» (детей) до «великих» (взрослых). «С XVIII в. прил. мал и велик начинают –

<sup>41</sup> Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв. СПб., 2002. С. 75.

под влиянием известного уже в XVI в. антонимического оборота стар и мал (ср. современное старый и малый) – переосмысливаться в возрастном значении. Отчетливо осмысление его как „от детей до стариков“ ощущается к середине XIX в., хотя отдельные случаи такого семантического сдвига зафиксированы и ранее»<sup>42</sup>.

Это объяснение подтверждается и статьями в словарях древнерусского языка. В словаре русского языка XI–XVII вв. (в 30 выпусках) формулировка помещена под словом «великий» в значении «взрослый»<sup>43</sup>. Точно так же расположено искомое выражение и в словаре древнерусского языка XI–XIV вв. [12, с. 384]<sup>44</sup>. В пользу рассматриваемой интерпретации говорит формулировка Московского летописного свода конца XV в. под 1263 г.: «князи и бояре и весь възрасть от мала и до велика»<sup>45</sup>. Здесь есть прямое указание на возраст. Таким образом, статьи словарей древнерусского языка и отрывок из Московского летописного свода говорят в пользу интерпретации, которую можно назвать «возрастной».

С исследовательской точки зрения более интересно древнее понимание рассматриваемого выражения. Однако, если вспомнить о том, что слова «от мала и до велика» используются и в современном русском литературном языке в качестве фразеологизма, то можно отметить, что современные фразеологические словари единогласно определяют рассматриваемую формулировку следующим образом: все без различия возраста<sup>46</sup>. Получается, что современное понимание слов «от мала и до велика» соответствует именно «возрастной» трактовке.

Третья интерпретация слов «от мала и до велика» сводится к тому, что данное выражение не имеет строгого значения, а является художественным,

<sup>42</sup> Словарь русской фразеологии... С. 363.

<sup>43</sup> СЛРЯ XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 2. С. 62.

<sup>44</sup> СДРЯ. М., 1988. Т. I. С. 384.

<sup>45</sup> ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. Московский летописный свод конца XV в. С. 145.

<sup>46</sup> Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров / 3-е изд., испр. М., 2008. С. 358; Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 566; Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. Изд. 5-е. СПб., 1994. С. 233.

образным. Можно еще раз вспомнить о том, что составителем более позднего списка Н1Л были добавлены 3 новых случая использования слов «от мала и до велика». Все три сообщения, в которых появляется рассматриваемое выражение, повествуют об одном и том же событии – избрании нового архиепископа. Статьи летописей об этих событиях почти идентичны, только в более поздних списках появляется искомая формула. Весьма вероятно, что эти слова были добавлены не для уточнения каких-либо обстоятельств, а для того, чтобы сделать повествование о событиях более ярким, образным.

Установить иерархию трёх предложенных интерпретаций и предпочесть одно из толкований другому было бы не совсем правильным. Более верным будет замечание о том, что в одних случаях предпочтительнее «возрастная» трактовка формулировки («весь возраст от мала и до велика»), в других – «социальная», а в-третьих (рассмотренные статьи Н1Л мл. об избрании архиепископа) – образно-художественная. Вполне возможно, к некоторым случаям использования рассматриваемого выражения в древнерусской письменности можно применить не одну из предложенных интерпретаций, а сразу несколько.

Дополняя наблюдения Т. Л. Вилкул, можно обратить внимание на еще некоторые случаи использования рассматриваемой формулы в древнерусской книжности. Как было отмечено исследовательницей, выражение используется в новгородской договорной грамоте 1270 г.<sup>47</sup> Можно заметить, что слова «от мала и до велика» есть и в договорной грамоте новгородцев с тверским князем Александром Михайловичем 1327 г.<sup>48</sup> Присутствует выражение и в Троицкой летописи при рассказе о событиях 1240 г.<sup>49</sup> Есть формула и в берестяной грамоте № 963<sup>50</sup>.

---

<sup>47</sup> Вилкул Т. Л. «От мала и до велика»... С. 354.

<sup>48</sup> ГВНП. С. 27.

<sup>49</sup> Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 321.

<sup>50</sup> Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001-2014 гг.). Т. XII. М., 2015. С. 73–75.

Как было отмечено рядом исследователей, язык новгородских летописей был близок естественному разговорному языку средневековой Руси<sup>51</sup>. Принимая во внимание это наблюдение, можно предположить, что встречающееся в новгородских летописях выражение «от мала и до велика» (имея библейское происхождение и сохраняя книжный оттенок) бытовало и в словесном обороте Средневековья.

Какова судьба рассматриваемого выражения? «Постепенно сочетание деэтимологизировалось и уже в XIX в. превратилось в окаменевший оборот наречного типа с обобщенным значением „абсолютно все“, в структуре которого ничего изменить уже нельзя»<sup>52</sup>.

## **§2. «И от всех старейших, и от всех меньших» и «весь Новгород»**

Новгородским летописям и новгородским актам известны категории «старейшие» и «меньшие». Они используются как отдельно друг от друга, так и вместе. Их одновременное использование встречается в НЛ мл. под 1074 годом: «...меншим къ старѣшимъ покорение и послушание, и старѣшимъ к меншимъ любовь и наказание...»<sup>53</sup>, «...от старѣших до меньших»<sup>54</sup>. Последняя формулировка может напомнить о рассмотренном выше выражении: вновь две полярные группировки объединяются в одной формуле. Более часто категории «старейшие» и «меньшие» встречаются вместе в новгородском актовом материале. В новгородских грамотах выражение «и от всех старейших, и от всех меньших» приобрело устойчивый характер. Всякий раз мы находим слова «и от всех старейших, и от всех меньших» в начальной

---

<sup>51</sup> Зиборов В. К. История русского летописания... С. 67.

<sup>52</sup> Словарь русской фразеологии... С. 363.

<sup>53</sup> НЛ. С. 199.

<sup>54</sup> Там же. С. 200.



части грамоты, где в обобщенном виде представлена новгородская община. В актовом материале формулировка встречается 7 раз (грамоты 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15). Из них 2 грамоты относятся к XIII в. (1264, 1268 гг.). А остальные 5 – к XIV в. (1305-1307 гг. (две грамоты), 1307 г. (2 грамоты), 1371 г.). Как видим, большая часть случаев использования формулировки относится к концу XIII в. и к рассматриваемому XIV в. Это лишний раз убеждает в том, что слова «и от всех старейших, и от всех меньших» соотносятся с формулой «от мала и до велика», наиболее часто употребляемой в то же время – в конце XIII - XIV вв. Как и смежная формулировка, выражение «и от всех старейших, и от всех меньших» свидетельствует о дифференциации новгородской общины, ее разделении на две полярные группировки.

Стоит привести смежную по отношению к рассматриваемому выражению формулировку из грамоты 1264 г.: «...и от всехъ соцьскихъ, и от всехъ старѣишихъ...», – читаем в древнейшей из дошедших до наших дней грамоте<sup>55</sup>. Таким образом, рассматриваемое выражение впервые использовано именно таким образом: с упоминанием сотских, а не меньших. Параллелизм сотских и меньших привёл Ю. Г. Алексева к тому выводу о том, что это взаимозаменяемые понятия<sup>56</sup>. Из этого следует социальная близость (а, возможно, и тождественность) меньших и сотских. П. В. Лукин сделал несколько иной вывод: «меньшие» находились в ведении или под управлением сотских<sup>57</sup>.

В. Л. Янин считал, что разделение на «старейших» и «менших» имело место только в среде бояр, а не всей городской общины: «...в ней [формуле] следует видеть указание на „менших бояр“, а не на „весь Новгород“, исключая „старейших“»<sup>58</sup>.

Однако некоторые исследователи предложили иную трактовку выражения. Ю. Г. Алексеев пишет: «„Старейшие“ и „меньшие“ – это и есть

<sup>55</sup> ГВНП. С. 9.

<sup>56</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 251–254.

<sup>57</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 241.

<sup>58</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 422.

„весь Новгород“...»<sup>59</sup>. «На протяжении более ста лет, с 60-х XIII в. до 70-х годов XIV в., эта формула была наиболее устойчивой», – замечает исследователь<sup>60</sup>. Той же точки зрения придерживается О. В. Мартышин: «...формулу договоров следует понимать как представительство от всех старейших и всех младших – от двух категорий, на которые распадалось население и которые действительно охватывали весь Новгород»<sup>61</sup>.

Взгляд Ю. Г. Алексеева и О. В. Мартышина представляется более верным. Выражение «и от всех старейших, и от всех младших» можно поставить в один ряд с другими подобными формулировками: «от мала и до велика», «отъ велика дажь и до убога»<sup>62</sup>, «отъ юнаго и до старца»<sup>63</sup>, «отъ велможь даже и до меншихъ людей»<sup>64</sup>. Все они подразумевают большие обобщения, охват всех категорий, находящихся в общности, а не объединение одного отдельно взятого слоя бояр. Можно усомниться в том, что выражение «и от всех старейших, и от всех младших» отличалось от родственных формулировок тем, что относились только к боярам.

При рассмотрении категорий «старейшие» и «младшие» не возникает сомнений в том, что эти понятия отражают социальный статус их носителей. В словаре русского языка XI–XVII вв. «младшие» определены как «младшие по званию, должности»<sup>65</sup>, а «старейший» как «наиболее влиятельный и авторитетный, принимающий участие в управлении каким-л. обществом, объединением и т. п.»<sup>66</sup>.

Как видим, выражение «и от всех старейших, и от всех младших», охватывающее все население города, можно отождествить со словами «весь Новгород». Последняя формулировка за редкими исключениями встречается почти во всех договорных грамотах Новгорода с князьями и в подавляющем

<sup>59</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 251.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>62</sup> Срезневский И. И. Материалы ... Т. I. Стб. 236.

<sup>63</sup> Н4Л. С. 335.

<sup>64</sup> СлРЯ XI-XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С.89.

<sup>65</sup> Там же.

<sup>66</sup> СлРЯ XI-XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 205

большинстве грамот отношений Новгорода с Западом. Выражение имеет различные вариации (в зависимости от того, с чьей стороны заключалась грамота: «от всего Новгорода» или «ко всему Великому Новгороду»<sup>67</sup>, и от того, на каком этапе развития Новгородской республики заключена грамота: «от всего Новагорода»<sup>68</sup>, «от всего Великого Новагорода»<sup>69</sup>, «от всего господина Великого Новагорода»<sup>70</sup>, «всему господину государю Великому Новугороду»<sup>71</sup>). Однако семантика этого выражения не меняется: во всех этих случаях имеется в виду все население города. В то же время в рассматриваемой формулировке можно увидеть декларативность, эфемерность. «Бояре стремились представлять „весь Новгород“, все его сословия, подменяя их интересы задачами собственной политики», – писал В. Л. Янин<sup>72</sup>. К подобному выводу (при анализе немецкого документа 1331 г.) пришел и Лукин: «“Великий Новгород,, в данном случае был представлен не вечем, а правительственной верхушкой, и узурпацией полномочий веча это не считалось»<sup>73</sup>.

---

<sup>67</sup> ГВНП. С. 99.

<sup>68</sup> Там же. С. 9.

<sup>69</sup> Там же. С. 34.

<sup>70</sup> Там же. С. 127.

<sup>71</sup> Там же. С. 152.

<sup>72</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 421.

<sup>73</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 290.

## Глава 2. Социальная терминология Н1Л

### §1. «Абстрактные» категории

В данной главе в таблицах будет показано, как часто использовались различные социальные термины в Н1Л – наиболее древней летописи по истории Новгорода. Для анализа социальной терминологии был выбран младший извод Н1Л, т. к. в старшем изводе этой же летописи отсутствуют сообщения о 854-1016 гг. и о 1352–1446 гг. В сообщениях Н1Л ст. о событиях XI – сер. XIV вв. социальная терминология использована в большинстве случаев так же, как и в Н1Л мл. Итак, Н1Л мл. связана с более поздним периодом, чем Н1Л ст., но в младший извод этой летописи позволяет охватить больший хронологический период для анализа социальной эволюции новгородской общины.

Н1Л мл. предоставляет возможность рассмотреть обширный материал для анализа социальной истории Новгорода. В то же время при обращении к этому источнику стоит иметь в виду, что он «представлен в ряде рукописей, старшие из которых относятся к середине XV века»<sup>74</sup>. Таким образом, сообщения о X–XIV вв. могут нести на себе печать более позднего времени. Актовый материал дает меньше возможностей для анализа социальных структур. Однако грамоты сохранились не в поздних списках, а в подлинном виде. Это дает возможность точно определить, когда была упомянута та или иная социальная категория, когда была использована формулировка. Все эти особенности нужно учитывать при работе с летописями и актами.

---

<sup>74</sup> Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. М., 2016. С. 47.

Данный параграф посвящен анализу «абстрактных», обобщающих социальных категорий. В таблице 2 показано количество упоминаний этих категорий в летописном материале НІЛ мл. по векам.

Таблица 2 – «Абстрактные» социальные категории в НІЛ мл.

	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Добрые	1		3	7	5	1
Старейшие		3		6		
Вятские			3	6		
Меньшие		3		6		
Злые/ недобрые/ окаянные				3	4	
Лучшие	3		3			
Нарочитые	4				1	
Молодые				1	2	1
Большие				3		
Передние			3			
Лепшие			1			
Молодшие				1		

При подсчёте упоминаний социальных категорий учитывались как те, которые относились к Новгороду (новгородские бояре, купцы, «черные люди», новгородские «добрые мужи» и т.д.), так и те, которые были связаны с другими волостями и странами (московские бояре, «чернь» в Константинополе и т. д.). Ведь вне зависимости от того, по отношению к какой земле или стране применялась социальная терминология, использование последней свидетельствует о том, что летописец был знаком с тем или иным социальным феноменом на примере Новгорода. Как показал П. В. Лукин, в

написанной новгородцем Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. по отношению к населению Константинополя используются древнерусские «социальные» термины: бояре, «добрые мужи», «чернь»<sup>75</sup>. Летописец не изобретал новые термины, а использовал известные ему. Следовательно, по описанию социальных сил иных земель тоже можно судить о том, как выглядел «социальный пейзаж» Великого Новгорода. К подобным выводам при анализе терминологии «Устава Ярослава о судах святительских» пришел и В. Л. Янин: «Однако даже при таком заимствовании [из болгарского права – Л.К.] терминология, чтобы не стать бессмысленной, должна соответствовать реальным социальным градациям русского общества»<sup>76</sup>.

Социальные категории расположены по частоте их упоминаний: от наиболее часто описываемых летописью к наиболее редко характеризваемым.

При анализе социальной терминологии привлекался материал не только XIV в., но и предшествующих и последующих эпох. Это необходимо для того, чтобы показать своеобразие рассматриваемого XIV в., его отличия от периода X–XIII вв. и от XV в.

Некоторые из этих понятий могли использоваться и как существительные (например: «и иных вячьших»<sup>77</sup>), и как прилагательные (например: «и послаша владыку с вятшими мужи...»<sup>78</sup>): «вятшие», «старейшие». Категория «меньшие» использовалась только в качестве существительного. Большинство понятий использовались только как прилагательные: «передние», «лепшие», «добрые», «лучшие», «молодые», «злые», «недобрые», «окаянные».

Сопоставление списков НІЛ убеждает нас в том, что терминологической строгости в использовании социальных категорий не было. Под 1236 г. НІЛ ст. говорит о «вятших» новгородцах: «...поимя съ собою новгородци

<sup>75</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 264.

<sup>76</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 209.

<sup>77</sup> НІЛ. С. 232.

<sup>78</sup> Там же. С. 319.

вятшихъ...»<sup>79</sup>. Но в НІЛ мл. под тем же годом использовано другое понятие: «...появши съ собою новгородцовъ болших муж...»<sup>80</sup>. «Вятшие» НІЛ ст. соответствуют «большим» НІЛ мл. Следовательно, понятия, за которыми стоят верхи новгородской общины взаимозаменяемы, их можно поставить в один ряд: старейшие, вятшие, лучшие, нарочитые, большие, передние, лепшие. То же можно сказать и об обозначениях новгородских низов: «меньшие», «молодые», «молодшие». Понятия «добрые», «недобрые», «злые», «окаянные» могли обозначать и социальную оценку, и морально-нравственную. Наиболее многозначным из этих понятий нужно признать категорию «добрые». Приведем лишь некоторые из значений. Во-первых, «добрыми» могли назвать в морально-нравственном понимании, имея в виду «не злых», например: «Григориа Калику, мужа добра, кротка и смирена...»<sup>81</sup>. Во-вторых, под «добрыми» в ряде случаев подразумевались состоятельные и высокие по социальному статусу люди («знатный, почтенный» по И. И. Срезневскому<sup>82</sup>). В-третьих, «добрыми мужами», как будет показано в 3 главе, до 1380 г. назывались житьи люди. Последние два значения слова близки, ведь житьи относились именно к состоятельным и элитарным слоям новгородской общины.

Как видно по таблице, абстрактные обобщающие категории в летописных материалах XIV в. встречаются не так часто. Предшествующий XIII в. гораздо более богат такими «абстракциями». Таких важных понятий, как «вятшие», «старейшие», «меньшие», в сообщениях о событиях XIV в. совсем нет (в то время как в материалах XIII в. они использованы по 6 раз). Не встречаются они и в материалах XV в. Это можно объяснить тем, что во время написания этой части летописи обобщающие понятия уходили в прошлое. Абстрактные категории были связаны с более ранним периодом развития новгородской общины. В XIV–XV вв. на волне социальной дифференциации

<sup>79</sup> НІЛ. С. 74.

<sup>80</sup> Там же. С. 285.

<sup>81</sup> Там же. С. 342.

<sup>82</sup> Срезневский И. И. Материалы ... Т. I. Стб. 682.

новгородского общества становятся более актуальными указания на конкретные социальные слои, которые составляли общину: «бояре», «купцы», житыи люди, «черные люди». В XV в. из «абстрактных» категорий только по одному разу названы «добрые» и «молодые».

Стоит отметить и такое обобщающее понятие, как «новгородцы». Первоначально – начиная с сообщений конца XI в. – летопись говорит о «новгородских людях». Но очень скоро на смену приходит понятие «новгородцы». В материалах X–XV вв. это понятие используется очень часто, в ряде случаев – более 10 раз в сообщении о событиях одного года. Рассматриваемый XIV в. не был исключением. Таким образом, несмотря на усиливающийся процесс дифференциации новгородской общины, летописец всегда мог объединить различные социальные категории одним словом («новгородцы») или выражением («весь Новгород»).

## §2. Социальные слои Новгорода

В таблице 3 показана частота упоминаний конкретных социальных слоев Новгорода в НЛ.

Таблица 3 – Социальные слои Новгорода в НЛ мл.

	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Бояре	15	4	2	17	36	24
Купцы		1	5	5	4	3



«Чернь»/ «черные люди»				4	3	
Житьи					4	2
Боярские дети				1	4	1
Огнищане		1	2 <sup>83</sup>	1 <sup>84</sup>		
Гридь	1	2				
Купеческие дети					1	

При анализе социальной терминологии в НІЛ мл. на материалах XV в. стоит иметь в виду то, что летописный материал охватывает только первую половину этого века – до 1446 г. Следовательно, цифры, приведенные в последней графе, нельзя считать окончательными.

При подсчете упоминаний бояр в НІЛ мл. подсчитывались только прямые названия этой категории. Многочисленные упоминания посадников и других лиц, которые относились к боярской корпорации, не учитывались.

Как видим, в НІЛ мл. наиболее часто упоминаются бояре. Начиная с XII в., количество их упоминаний только увеличивается. Несмотря на неполноту летописных материалов по XV в., только за первую половину этого века бояре упоминаются 24 раза. Учащение упоминаний бояр согласуется с выводами В. Н. Бернадского и В. Л. Янина о росте могущества боярства.

На втором месте по частоте упоминаний стоят купцы. В XII в. летопись говорит о них 5 раз – столько же, сколько и в последующем столетии. И почти столько же, сколько в XIV в. Таким образом, судя по упоминаниям в НІЛ мл., значение купцов на протяжении XII–XIV вв. не претерпело значительных

<sup>83</sup> Упомянуты обе категории в одном перечне.

<sup>84</sup> Упомянуты обе категории в одном перечне.

изменений: они оставались на исторической сцене новгородской истории, не теряли своего значения, но и не усиливали своих позиций.

«Черные люди» (или «чернь»), судя по приведенным цифрам, сохраняли свое значение на протяжении XIII–XIV вв. Но не упомянуты они в первой половине XV в.

Житьи люди, поздняя категория, впервые появившаяся только в XIV в., остаются на исторической сцене и в первой половине XV в. Боярские и купеческие дети упоминаются чаще всего именно в материалах XIV в. В XIV–XV вв., судя по отсутствию упоминаний, такие слои новгородского общества, как огнищане и гридь, перестали существовать.

Стоит упомянуть и некоторые другие социальные категории, которые не удалось отнести ни к абстрактным понятиям, ни к конкретным социальным слоям.

В 4 главе будет обоснована принадлежность названных в таблице 4 «молодцов» и «простой чади» к категории «меньших». Как видим, деятельность этих группировок из новгородских низов зафиксирована летописью в XIII–XIV вв., но не в XV в.

Таблица 4 – Альтернативные названия категории «меньших» в НЛ мл.

	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Молодцы				1	2	
Простая чадь				2	1	

Терминологический анализ свидетельствует о том, что XIV в. становится завершающим периодом активности «меньших»: в материалах этого столетия упомянуты сами «меньшие», также «молодые люди», «злые / недобрые / окаянные люди» (в 4 главе будет доказана их принадлежность к низам), «черные люди». Но в летописных сообщениях XV в. только однажды названы «молодшие».

Представители группы «вятших» упоминаются на протяжении XIV в. значительно чаще, чем низы общины (впрочем, как и в предшествующие и последующее столетия). Несмотря на отмеченный уход от «абстрактных» формулировок, в материалах XIV в. названы «добрые» (которые, как было сказано, относились к состоятельным слоям) и «нарочитые». Из социальных слоев, относящихся к «вятшим», названы бояре, житьи, боярские дети. Все эти группы чаще всего упоминаются именно в материалах XIV в. В XV в. они не исчезают, но названы меньшее количество раз.

В следующих двух главах социальные слои из второй и третьей таблиц будут соотнесены с абстрактными категориями из первой таблицы. За основу будут взяты «вятшие» и «меньшие», между которыми будут распределяться социальные группировки.

### Глава 3. «Вятские» в XIV в.: упоминания в источниках, социальная эволюция

#### §1. Бояре

В настоящем параграфе с опорой на летописи, акты и историографию будет рассмотрена группировка бояр, которая находилась на вершине социальной пирамиды Новгородской республики.

В. Л. Яниным, главной исследовательской темой которого была именно история новгородского боярства, была подчеркнута кастовость боярства, невозможность вступить в ряды этой замкнутой социальной группы. Также историк обращал внимание на то, что занять одну из важнейших должностей Новгородской республики – посадника или тысяцкого – могли только представители боярства. В. Л. Янин характеризует боярство «как касту, отграниченную от близких ему по своему экономическому положению категорий общества и распоряжавшуюся верховной властью в государстве»<sup>85</sup>. (Весьма близкие тезисы до Янина высказывал Бернадский<sup>86</sup>.) Во взглядах Янина на боярство Ю. Г. Алексеев, И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко<sup>87</sup> и ряд других исследователей увидели гиперболизацию значения этого социального слоя. Вопросы, связанные с боярством, – «ахиллесова пята» построений Янина, как заметил А. Ю. Дворниченко<sup>88</sup>. К числу «недостаточно доказанных» Яниным вопросов Ю. Г. Алексеев отнес тезис о боярской патронимии как изначальной основе концов и вопрос о положении и эволюции массы свободного непривилегированного населения<sup>89</sup>. «Концепция верховной

<sup>85</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 415.

<sup>86</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 156.

<sup>87</sup> Фроянов И. Я. Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 189–195.

<sup>88</sup> Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М., 2010. С. 206.

<sup>89</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 271.

земельной собственности боярства как первоначальной формы феодального землевладения, утвердившегося в допотопный период новгородской истории (X–XI вв.), нуждается, по нашему мнению, в дополнительном обосновании», – пишут И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко<sup>90</sup>. В то же время при рассмотрении боярской корпорации невозможно не обратиться к трудам известного новгородоведа.

Как было показано в предшествующей главе, бояре – наиболее часто упоминаемая категория. Если рассмотреть сообщения летописей о боярской активности в XIV в., то можно убедиться в том, что они связаны со всеми сферами жизни Великого Новгорода в XIV в. Бояре участвовали в военных кампаниях, дипломатических посольствах, внутренней социально-политической борьбе, укрепляли оборонительные сооружения Новгорода и волости. Мы находим бояр в перечне участников челобитий и крестоцелований. Житьи люди, «черные люди», купцы могли остаться безымянными, но бояре в большинстве случаев названы поименно. Летописи особо внимательны именно к этой элитарной социальной категории.

В рассказе Н4Л о Куликовской битве можно найти перечисление потерь с русской стороны, а также очень важный комментарий летописца: «...инии мнози, ихже имена не соуть писана въ книгахъ сихъ; сии же писана быша князи токмо и воеводы, нарочитыхъ и старѣишихъ боляръ имена, а прочьихъ боляръ и слоугъ оставихъ имена и не писахъ ихъ множества ради именъ, яко число превосходить ми, мнози бо на той брани побъени быша»<sup>91</sup>. Мы встречаем упоминание неких книг «сихъ», в которых дан перечень потерь наиболее знатных погибших, в том числе и бояр. Летописец подчёркивает невозможность перечисления абсолютно всех воинов, погибших в битве, оправдывая это тем, что этого множества имён нет в книгах<sup>92</sup>. Комментарий

<sup>90</sup> Фроянов И. Я. Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 195.

<sup>91</sup> Н4Л. С. 321.

<sup>92</sup> Если иначе интерпретировать слова летописца, то последний внёс из книг «сихъ» в летопись только основные имена, оставив остальные «множества ради именъ». Однако первое объяснение рассматриваемого отрывка представляется более правильным.

летописца о потерях русских воинов в 1380 г. весьма показателен. И во многих других битвах потери были слишком большими, чтобы поимённо записать всех погибших. В летописи мы встречаем имена лишь наиболее знатных лиц (как правило, бояр), погибших в одном из сражений. Отмеченная особенность характеризует и другие летописные перечни социальных категорий: все они внимательны к боярам, но страдают неполнотой, когда речь идет о других социальных группах.

В XIV в. в результате драматических событий новгородские бояре в ряде случаев становились «талю», заложниками. В 1315 г. после битвы под Торжком был заключён мир, в соответствии с которым князь Михаил «призва к собѣ князя Афанасья и бояры новгородскыи, и изыма ихъ, и посла на Тфѣрь в тали, а останокъ людии в городѣ нача продаяти...»<sup>93</sup>. Здесь мы вновь сталкиваемся с разделением бояр и «людей»: первых отправляют в качестве заложников в Тверь, вторых продают. В 1372 г. после битвы у того же пригорода «иныхъ боляръ новгородцкихъ и новоторжскихъ, и людеи полоно, и женъ бесщисла множество, изнимавше, приведоша на Тверь, яко пленники»<sup>94</sup>. В очередной раз мы видим противопоставление бояр и «людей». Заметим, что если «людей» «полно», а жен – «бесщисла», то о боярах ничего подобного не сказано. В этом и многих других случаях очевидна численная разница между «вятшими» и «меньшими» в пользу последних<sup>95</sup>. В 1366 г. после «ушкуйнического» похода новгородцев великий князь Дмитрий Иванович захватил боярина Василия Даниловича с сыном. Все эти примеры подтверждают то, что бояре «во все времена считались наиболее важными пленниками»<sup>96</sup>.

В первой главе новгородская община была разделена на «малых» и «великих», на «старейших» и «меньших». Необходимо подробнее сказать и о

---

<sup>93</sup> Н1Л. С. 95.

<sup>94</sup> Н4Л. С. 299.

<sup>95</sup> Ю. Г. Алексеев отметил ту же особенность, проанализировав сообщение 1216 г. (Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 247.).

<sup>96</sup> Несин М.А. Новгородские житыи люди ... С. 272.

делении на «вятших» и «меньших». Это нужно для того, чтобы найти место бояр в одной из этих групп.

«Вятшие» впервые упоминаются в летописи под 1193 г. А в НІЛ ст. под 1215 г. они упомянуты вместе с «меньшими» (это первое упоминание «меньших»): «ано тамо измано вячшие мужи, а мньшее они розидошася»<sup>97</sup>. К середине XIII в. относятся последующие упоминания обеих категорий. Летописные сообщения о событиях 1255 и 1259 гг. привлекли особое внимание исследователей. Действующие лица в 1255 и 1259 гг., согласно летописи, это и «вятшие», и «меньшие», бояре и «черные люди». Исследователи приходят к разным выводам при решении вопроса о соотношении этих категорий и слоев. М. Н. Тихомиров<sup>98</sup>, Ю. Г. Алексеев<sup>99</sup>, О. В. Мартышин<sup>100</sup>, А. В. Петров<sup>101</sup>, П. В. Лукин<sup>102</sup> полагают, что «меньших» можно в большей или меньшей степени приравнять к «чёрным» и противопоставить их «вятшим», которые в свою очередь приравниваются к боярам. Иная точка зрения была высказана В. Л. Яниным. Исследователь считает, что «вятшие» и «меньшие» представляют собой высшие и низшие слои новгородской политической элиты, боярства. И «вятшие», и «меньшие» бояре противопоставляются исследователем «чёрным людям», относящимся к низшей ступени социальной лестницы<sup>103</sup>.

Более правильной представляется первая из приведенных выше точек зрения<sup>104</sup>. К тому же вскоре после критических замечаний Ю. Г. Алексеева В. Л. Янин согласился с критикой оппонента (по крайней мере в вопросе о соотношении «меньших» и «черных»): «Думаю, что Ю. Г. Алексеев прав, отождествляя или по крайней мере максимально сближая термины „меньшие“

<sup>97</sup> НІЛ. С. 55.

<sup>98</sup> Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 269.

<sup>99</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 250.

<sup>100</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>101</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 219-221.

<sup>102</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 239.

<sup>103</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 210.

<sup>104</sup> В то же время, как будет показано ниже, есть основания вслед за Яниным выделить в среде боярства те же две группы: «вятших» и «меньших». Однако в сообщениях 1255 и 1259 гг. речь идет о делении всей общины, а не одного слоя бояр.

и „черные“ как обозначающие „одну и ту же или во всяком случае близкие, сливающиеся друг с другом социальные группы“»<sup>105</sup>. Следовательно, бояр стоит отнести к группе «вятших» или даже отождествить с этой категорией.

Как было показано в предшествующей главе, сама категория «вятших» как социальный феномен в XIV в. постепенно перестает существовать. Сначала на страницах летописи «бояре» и «вятшие» сосуществуют. В 1259 г. летописец даже ставит знак равенства между этими понятиями<sup>106</sup>. В дальнейшем – во второй половине XIII – XIV вв. абстрактное понятие («вятшие») уступает место более конкретному («бояре»). Таким образом, пример боярства, выделившегося из широкого слоя «вятших», наглядно демонстрирует главный социальный процесс XIV в. – социальную дифференциацию.

Социальная дифференциация имела место не только во всей новгородской общине, но и в отдельных слоях, в том числе и в боярской корпорации. Это можно подтвердить на летописном материале. Под 1264 г. упомянуты «лучшие» бояре. Под 1268 г. – «добрые». Под 1335 г. упомянуты «вятшие» бояре. Получается, что боярская корпорация была неоднородной, внутри нее можно было выделить «верхушку», особо привилегированный и влиятельный слой. В. Н. Бернадский считал, что «великие бояре» – особая прослойка, которая юридически обособлялась даже от других бояр<sup>107</sup>. Упоминаний «меньших» бояр в Н1Л нет. Но можно предположить, что в боярской корпорации была и противоположная группировка и помимо «лучших», «добрых» и «вятших» бояр были и «меньшие». Однако прямых упоминаний таких бояр в Н1Л нет. Янин полемизировал с Бернадским по вопросу о монолитности боярской группировки и считал, что «в XV в. никакого деления на правовые категории внутри собственно боярства не

<sup>105</sup> Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 99.

<sup>106</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 250.

<sup>107</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 156.



было»<sup>108</sup>. С одной стороны, деление новгородских бояр на группы действительно не было юридическим. С другой стороны, в социальном отношении боярство все же делилось на группы, ведь летописи отмечают наиболее влиятельных из них. «Социальные трещины», как их назвал Алешковский<sup>109</sup>, прошли и по всей новгородской общине, и по отдельным слоям.

Выделение особо влиятельной верхушки боярства произошло не только в Новгороде, но и в некоторых пригородах. Под 1386 г. упомянуты новоторжские «болшии» бояре<sup>110</sup>.

В летописных рассказах бояре часто находятся в одном ряду с другими категориями. Рассмотрим соотношение бояр и этих категорий на летописных материалах X–XV вв., чтобы лучше понять, какое место занимали бояре в социальной структуре.

В ряде случаев бояре находятся в одном ряду с обобщающими категориями: «бояры и все люди»<sup>111</sup>, «и бояри новгородскии и новгородчовъ много»<sup>112</sup>. Можно предположить, что в этих случаях бояре как верхушка социума противопоставлялась всей остальной массе населения. Бояре, словно, не относились ко «всем людям» и к многим «новгородцам» – к широким массам населения Новгорода.

В других случаях бояре упоминаются вместе с «черными людьми»: «и много добрых боярь, а иных черных бесчисла людии»<sup>113</sup>, «новгородчкии боляре бес черныхъ людии»<sup>114</sup>. Очевидно, что здесь мы вновь имеем дело с противопоставлением, только более конкретным. Бояре противопоставлены не всей остальной общине, а только «черным людям». В историографии было обращено внимание на подобные противопоставления<sup>115</sup>. Это разделение

<sup>108</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 414.

<sup>109</sup> Алешковский М. Х. Социальные основы... С. 108.

<sup>110</sup> Н4Л. С. 346.

<sup>111</sup> Н1Л. С. 48.

<sup>112</sup> Там же. С. 417.

<sup>113</sup> Там же. С. 317.

<sup>114</sup> Н4Л. С. 256.

<sup>115</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 250.

может напомнить о рассмотренных выше сообщениях 1255 и 1259 гг., в которых «вятские»-бояре противостоят «меньшим»-«черным».

Стоит отметить, что бояре часто названы в одном перечне вместе с жителями людьми. Эти две категории были весьма близки. «Наиболее трудно уловима социальная грань между боярами и жителями», – заметил В. Л. Янин.<sup>116</sup> При первом же упоминании жителей мы находим их рядом с боярами: «и иных бояр много и жителей муж»<sup>117</sup>. Далее мы можем найти ещё целых 5 случаев совместного участия бояр и жителей в тех или иных предприятиях (в 1384, 1397, 1398, 1436, 1441 гг.). Кроме того, согласно условиям крестоцелования 1385 г., «на соудъ подняти двѣма истцемъ по два боярина на сторонѣ и по два жителя чловѣка»<sup>118</sup>. Как будет показано в 5 главе, в актовом материале, начиная с середины 70-х гг. XIV в., бояре и жители также очень часто оказываются в одном ряду – в начальной, «представительной» части грамот. Такое большое количество примеров совместной деятельности бояр и жителей дали В. Л. Янину аргументы в пользу союза бояр и жителей: «Действительно, после завершения реформ 1410-х гг. вопрос о союзе с жителями становится одним из главных в боярской политике. В этом убеждает не только возобновление государственного представительства жителей и укрепление их позиции в суде, но и общая характеристика Новгородской Судной грамоты, которую исследователи, специально ею занимавшиеся, склонны рассматривать как порождение политического и социального союза бояр и жителей»<sup>119</sup>. Истоки этого союза уходят корнями в XIV в., о чем свидетельствует регулярное «соседство» жителей с боярами и в летописях, и в актах, начиная с 1370–х гг.

Также бояре могли находиться в одном ряду с купцами: «и почестиша его владыка и посадники и боярѣ и купчи и весь великий Новѣград»<sup>120</sup>, «тои

<sup>116</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 412.

<sup>117</sup> НІЛ. С. 376.

<sup>118</sup> Там же. С. 342.

<sup>119</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 436.

<sup>120</sup> НІЛ. С. 419.

же зимы послаша новгородци на съѣздъ с Нѣмци, с местеромъ, князя Юрья и бояръ и купцевъ»<sup>121</sup>.

Наконец, известны широкие перечни, в которых бояре перечислены вместе со многими другими категориями, например: «И биша чолом 20 посадникъ Тимофѣи Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дѣти боярьскыи и житыи люди и купечкыи дѣти, и вси их вои»<sup>122</sup>. В всех рассмотренных перечнях бояре неизменно встречаются в самом начале.

Высокая частота упоминаний бояр в летописях и актах, их участие в широком спектре предприятий XIV в., их первенствующее положение в перечне социальных категорий – все это доказывает, что перед нами высший социальный слой Новгородской республики.

Социальная дифференциация в XIV в. имела следующие последствия для новгородского боярства: широкое понятие «вятших» окончательно ушло в прошлое, материалах XIV в. упоминаются только бояре. Социальная дистанция увеличилась не только между боярами и другими слоями, но и между отдельными группами в среде самих бояр. О выделении группы особо влиятельных бояр говорят упоминания во второй половине XIII – первой половине XIV вв. «добрых», «лучших» и «вятших» бояр.

XIV в. стал временем укрепления могущества боярства. Согласно Янину, рассматриваемый период характеризуется сосредоточением всех источников власти (государственных должностей, представительства, суда) в руках боярства в противовес снижению политического и социального значения всех остальных слоев общины. Если по отношению более раннему периоду суждение исследователя о торжестве боярской власти в социальной, политической, экономической жизни Новгорода преждевременно, то по отношению к рассматриваемому столетию оно представляется верным.

---

<sup>121</sup> НЛ. С. 425.

<sup>122</sup> Там же. С. 393.

## §2. Житьи люди

Термин «житьи» впервые появляется в источниках позже всех других категорий: в актах – под 1374–1375 гг., а в летописях – под 1380 г. («житьи мужи»). Но, согласно О. В. Мартышину, до первых однозначных упоминаний житьи могли именоваться в летописи иначе – как «добрые мужи». Исследователь обратил внимание на близость «добрых мужей» из сообщения 1375 г.<sup>123</sup> и житьих мужей 1380 г.: «Одинаковое положение этих терминов среди прочих участников посольств и хронологическая близость двух сообщений летописи дают основания предположить, что добрые тождественны житьим, что добрые и житьи – разные обозначения одной и той же категории новгородского населения. Но добрые известны нам по довольно многочисленным и гораздо более ранним источникам. Следовательно, житьи – не социальное (В. Н. Бернадский), а лингвистическое новообразование XIV века»<sup>124</sup>. К сообщению 1375 г. стоит прибавить повествование о событиях 1315 г.: «...избиша много добрыхъ муж и боярь новгородскихъ...»<sup>125</sup>. Как видим, и под 1315, и под 1375 г. «добрые мужи» в одном перечне с боярами<sup>126</sup>. А с 1380 г. «добрые мужи» исчезают из летописных рассказов<sup>127</sup> и рядом с боярами мы очень часто находим житьих. Логично предположить, что речь идет об одной и той же категории, имевшей различные названия. В актовом материале житьи тоже часто «соседействуют» с боярами.

В то же время О. В. Мартышин выступал против полного отождествления «добрых» и житьих: «Термин „житий“ не является правопреемником термина «добрый» в полном объеме. Житии – понятие более

<sup>123</sup> «И иных многих бояр и добрых муж» (НЛ. С. 373).

<sup>124</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>125</sup> НЛ. С. 94.

<sup>126</sup> Впрочем, в другом сообщении о событиях XIV в. (под 1322 г. в СЛ) «добрые мужи» названы одни.

<sup>127</sup> Только один раз упомянуты «добрые люди» – в рассказе о событиях 1445 г.

узкое, более определенное, появившееся в период более дробной и четкой классовой дифференциации»<sup>128</sup>. То же можно сказать и о соотношении вятших и бояр: несмотря на то, что в летописном сообщении о 1259 г. можно увидеть отождествление двух понятий, «вятшие», по-видимому, шире бояр. Переход от абстрактных и широких «вятших» и «добрых» к боярам и житым хорошо иллюстрирует социальную поляризацию в XIV в.

Не всех упоминаемых летописью «добрых мужей» целесообразно отождествлять с предшественниками житых. Еще в сообщениях XII в. мы можем прочесть о «добрых мужах»: под 1131, 1134, 1137 гг. Можно усомниться в том, что перед нами те, кто позже будут названы «житыми»: слишком большой период времени разделяет «добрых» XII в. и житых XIV в. Кроме того, как было показано, житы очень часто помещались в один ряд с боярами, но «добрые» XII в. названы одни. В сообщении 1204 г., по наблюдению Ю. Г. Алексеева, «добрые мужи» даже противопоставлены боярам<sup>129</sup>.

Связь с «добрыми» (а значит – состоятельными, зажиточными), частое нахождение рядом с боярами, участие в важных предприятиях (например, в Куликовской битве) не оставляет сомнений в том, что житых нужно отнести к «вятшим».

Каково происхождение житых и их соотношение с другими социальными категориями?

В. Н. Бернадский считал, что житы вышли из среды горожан, отделившись от «черных людей». Несмотря на происхождение из низов, житым, считает исследователь, удалось «выбиться в феодалы» и занять место после бояр<sup>130</sup>. От купцов житых отличало владение землей: «Новгородский купец владел землей иногда, житий же был землевладельцем»<sup>131</sup>.

<sup>128</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>129</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 246.

<sup>130</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 177.

<sup>131</sup> Там же. С. 170.

Схожую позицию занял Ю. Г. Алексеев. По его мнению, житьи связаны не с «вятшими», а с «меньшими», ведь рассматриваемый социальный слой отделился от «черных людей»<sup>132</sup>. В то же время житьи для исследователя – «новый поднимающийся слой новгородских феодалов»<sup>133</sup>.

В. Л. Янин назвал рассматриваемый социальный слой «феодалами неаристократического происхождения»<sup>134</sup>. Он отнес житьих не к «вятшим», а к «меньшим» (что обусловлено неоднозначным решением историком вопроса о сущности «вятших» и «меньших»). В экономическом отношении житьи, по мнению Янина, могли максимально приблизиться к боярам, но с точки зрения правовой житьи были ниже бояр<sup>135</sup>. Это неравенство породило борьбу житьих с боярами. Результаты этой борьбы сложились в пользу боярства: реальная власть была сосредоточена в руках боярства, представительство от житьих стало фикцией<sup>136</sup>. В то же время и бояре, и житьи, согласно Янину, противостояли низам: «Если житьи в стремлении к власти были политическими противниками бояр, то, занимая вместе с ними верхние ступени феодальной лестницы, они решительно противостояли черному люду»<sup>137</sup>.

Ряд историков сближает житьих и купцов, полагая, что житьи – это наиболее богатые, зажиточные купцы. Первым такую точку зрения высказал И. Д. Беляев. Его позицию из современных исследователей разделяют О. В. Мартышин и П. В. Лукин. Первый из исследователей считает возможным вхождение купцов в группу житьих. Именно этим он объясняет отсутствие в ряде важных документов новгородской истории при перечислении всего городского населения купцов, например, в грамоте Новгорода послам Юрию и Якиму с наказом об условиях заключения мирного договора с великим князем тверским Михаилом Александровичем. В то же время не все купцы

<sup>132</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 255, 258–259.

<sup>133</sup> Там же. С. 255.

<sup>134</sup> Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения... С. 227.

<sup>135</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 413.

<sup>136</sup> Там же. С. 426.

<sup>137</sup> Там же. С. 421–422.

входили в состав «добрых» или житых, а только наиболее богатые<sup>138</sup>. П. В. Лукин обращает внимание на то, что в одном из ганзейских документов житьи названы «wolmagenden copluden», т.е. «зажиточными купцами»<sup>139</sup>. «Все это приводит к мысли о том, что житьи, по крайней мере, в 70-е гг. XV в. были владевшими землей купцами; первое отличало их в социально-экономическом смысле от обычных купцов, владение которыми землей было, скорее, исключением <...>, а второе – от бояр. Иными словами, складывается впечатление, что все житьи были купцами, но не все купцы были житьими»<sup>140</sup>.

Отдельное исследование рассматриваемому социальному слою посвятил М. А. Несин. По его мнению, житьи произошли «от одной их категорий местной элиты»<sup>141</sup>. Этот тезис исследователь подтверждает тем фактом, что житьи занимали достаточно устойчивое положение во внешней политике Новгорода и в воинстве XV в. Если бы их происхождение не было бы аристократическим, то житьи были бы в этих сферах вытеснены боярами<sup>142</sup>. Несмотря на высокое происхождение, житьи не имели большого значения во внутренних и внешних делах Новгорода, ведь, по наблюдениям историка, они помещались летописцами не только после бояр, но и после детей боярских – служилых людей, не игравших значительной роли<sup>143</sup>. «Они принимали участие в качестве делегатов в дипломатических переговорах с великими князьями и занимали место воевод на войне, но в боярской республике, а соответственно, и в ее внешней политике они не имели большого влияния»<sup>144</sup>.

Такое расхождение во мнениях исследователей о житых подтверждает, что перед нами «одна из неразрешенных загадок новгородской истории»<sup>145</sup>.

<sup>138</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>139</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 330.

<sup>140</sup> Там же . С. 330.

<sup>141</sup> Несин М.А. Новгородские житьи люди ... С. 252.

<sup>142</sup> Там же. С. 285.

<sup>143</sup> Там же. С. 258, 262.

<sup>144</sup> Там же. С. 264.

<sup>145</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

Подробный перечень государственной деятельности житых в XIV-XV вв. дан в работе В.Л. Янина<sup>146</sup>. «Существенные успехи житых в их борьбе за представительство» исследователь увидел в условиях крестоцелования 1385 г. («на соудъ поднати двѣма истцемъ по два болярина на сторонѣ и по два житья чловѣка»)<sup>147</sup>.

В XIV в. житы люди участвовали в военной, дипломатической деятельности, в укреплении волостных фортификационных сооружений. Из военных предприятий, в которых участвовали житы, стоит отдельно отметить Куликовскую битву (ведь житы впервые названы под 1380 г.).

Вопрос об участии новгородцев в Куликовской битве не имеет однозначного решения. В том, что участие новгородских сил в этом сражении имело место, был убеждён С. Н. Азбелев. Внимательный анализ письменных источников и устной традиции привёл исследователя к следующим выводам. Количество новгородских сил составляло 7 тысяч человек<sup>148</sup>. «Это отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, которые содержались Новгородом постоянно на случай непредвиденной военной опасности», – пишет исследователь<sup>149</sup>. Возможно, что изначально участие новгородцев в основной битве не предполагалось<sup>150</sup>. В случае прибытия литовских сил под командованием Ягайло задача новгородцев сводилась бы к предотвращению удара литовского войска во фланг основным русским силам<sup>151</sup>. Но, поскольку Ягайло не присоединился к монгольским силам, новгородцы заняли место в главных русских силах, а именно на правом фланге (но и здесь сказался первоначальный замысел – предупреждение удара со стороны Ягайло). После битвы новгородским силам предстояло возвращаться в родной город вдоль литовской границы. На обратном пути литовцы совершили нападение на возвращавшихся с битвы новгородцев. «Сражение

---

<sup>146</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 424–425.

<sup>147</sup> Там же. С. 424.

<sup>148</sup> Азбелев С. Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве. // Исторический формат. № 4. 2016. С. 43.

<sup>149</sup> Там же. С. 49–50.

<sup>150</sup> Там же. С. 51.

<sup>151</sup> Там же.



новгородцев с литовцами произошло, вероятно, у берегов речки Синяя Тулица. Это приток Тулицы, являющейся правым притоком Упы – в семи километрах на северо-восток и от теперешней Тулы и в семидесяти километрах севернее места сражения с татарами на Куликовом поле»<sup>152</sup>. Поражение новгородцев в этом сражении обусловило молчание новгородских летописей об участии новгородцев в Куликовской битве, ведь последующее поражение в какой-то степени бросило тень на предшествующую победу: «Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 года. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней русских войск за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточно существенным для закрепления в летописи»<sup>153</sup>. Исследователь убеждён в том, что новгородский контингент в битве 1380 г. был невелик. Однако если принять суждение Азбелева о 7-тысячном новгородском отряде, то следует признать, что это были значительные силы, ведь в летописных сообщениях о XIV в. нет свидетельств о сборе такой многочисленной рати (не считая гиперболических высказываний летописца о сборе всего Новгорода или всей волости).

Аргументация С. Н. Азбелева оказалась убедительной не для всех исследователей. С историком не согласился археолог Г. М. Дубровин, с точки зрения которого, поздняя традиция, приписывающая новгородцам участие в Куликовской битве, была связана лишь с Плотницким концом города, для которого было характерна промосковская ориентация<sup>154</sup>. Не согласился с Азбелевым и А. В. Быков: «Опираясь на источниковедческий анализ летописных сообщений, С. Н. Азбелев пытается доказать факт участия новгородского войска в Куликовской битве. Эти доказательства не

---

<sup>152</sup> Азбелев С. Н. Об участии новгородцев... С. 53.

<sup>153</sup> Там же. С. 54.

<sup>154</sup> Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 75–95.

представляются убедительными, так как опираются на исследование фольклорного источника, который был зафиксирован в разных вариантах в летописях лишь спустя столетие (а то и более) после описываемых событий»<sup>155</sup>. «Само участие вооруженных сил Новгорода в Куликовской битве не является достоверным и доказанным фактом. Однако несомненно, что в XV–XVI вв. существовала устная традиция новгородского происхождения, приписывающая новгородцам участие в знаменитом сражении»<sup>156</sup>.

В то же время М. А. Несин согласился с аргументацией Азбелева: «Присутствие новгородцев на Куликовом поле ныне можно считать доказанным фактом»<sup>157</sup>.

Если вслед за Азбелевым признать факт участия новгородцев в Куликовской битве, то следующий вопрос будет связан с социальным составом войска. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к перечню потерь новгородцев в битве. «При этом названы они [погибшие в битве новгородцы – Л.К.] в разных рукописях то „боярами посадниками“, то просто боярами, то просто посадниками», – пишет Азбелев<sup>158</sup>. Эти расхождения объясняются исследователем тем, что термины «боярин» и «посадник» в рассматриваемое время могли отождествляться. Получается, что речь идёт о боярском контингенте новгородских войск. Однако в приведённой в работе Азбелева Киприановской редакции Повести о Мамаевом побоище (которая отражена в Никоновской летописи) упомянуты также пришедшие на битву «житийстии мнози людие». С точки зрения исследователя, здесь речь идёт именно о новгородских житых людях<sup>159</sup>. Как было отмечено, на страницах Н1Л житьи люди впервые появляются именно в 1380 г (в грамотах – под 1374–1375 гг.). И их «боевым крещением» становится Куликовская битва.

<sup>155</sup> Быков А. В. Новгородское войско XI–XV веков: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Великий Новгород, 2006. С. 9.

<sup>156</sup> Там же. С. 74.

<sup>157</sup> Несин М.А. Новгородские житьи люди... С. 255.

<sup>158</sup> Азбелев С. Н. Об участии новгородцев... С. 41.

<sup>159</sup> Там же. С. 44.

Несмотря на позднее первое упоминание, участие житых в Куликовской битве говорит об их высокой значимости в военном деле Новгородской республики, ведь они наряду с боярами вошли в конный отряд, который, по словам Азбелева, содержался «постоянно на случай непредвиденной военной опасности»<sup>160</sup>. Получается, что в контингент подготовленных воинов, имевших для похода коня и доспехи (это формирование А. В. Быков назвал «силами быстрого реагирования»<sup>161</sup>), входили не только бояре, но и житьи.

Завершая рассмотрение двух слоев, относящихся к категории «вятших», стоит отметить, что представительство от бояр и от житых было связано с принципом кончанского представительства. В летописях есть несколько упоминаний, согласно которым в XIV в. посольства в Новгороде формировали именно по названному принципу. В 1363 г. 5 бояр (их каждого конца – по одному) ездили в Юрьев для разрешения конфликта между немцами и псковичами<sup>162</sup>. В 1380 г. (перед Куликовской битвой) новгородское посольство во главе с владыкой Арсением посетило Москву. В Н1Л мл. поимённо названы 5 бояр-участников поездки<sup>163</sup>. В Н4Л упомянуты бояре «ис концевъ»<sup>164</sup>. Сопоставив сообщения этих двух летописей, можно предположить, что названные бояре были призваны по принципу кончанского представительства. В третьем по счёту посольстве 1386 г. к Дмитрию Ивановичу присутствовали 5 житых людей («ис концевъ по чловѣку»<sup>165</sup>). Таким образом, в дипломатии новгородцев прослеживалось стремление соблюсти «одиначество» между сторонами и концами города. Любопытно, что все три сообщения о кончанском представительстве в новгородских посольствах относятся ко второй половине XIV в. Это можно связать с выявленной В. Л. Яниным реформой посадничества в середине XIV в., важной

<sup>160</sup> Азбелев С. Н. Об участии новгородцев... С. 49-50.

<sup>161</sup> Быков А. В. Новгородское войско... С. 57.

<sup>162</sup> Н1Л. С. 368.

<sup>163</sup> Там же. С. 376.

<sup>164</sup> Н4Л. С. 311.

<sup>165</sup> Там же. С. 346.

целью которой было именно соблюдение равного представительства всех концов Новгорода.

Как протекала эволюция бояр и житых, составляющих категорию «вятших»? Исследователи отмечают укрепление позиций верхов в рассматриваемый период. Это можно подтвердить частыми упоминаниями «вятших», их широким представительством и их активным участием в жизни Новгорода.

## Глава 4. «Меньшие» в XIV в.: упоминания в источниках, социальная эволюция

### §1. «Черные люди»

Как было показано в предшествующей главе, большинство исследователей склоняются к отнесению «черных людей» (или «черни») к категории «меньших» (некоторые историки даже отождествляют «черных» и «меньших»). «Чернь» составляла основу категории «меньших».

В летописях термин впервые появляется при описании событий конца XII в. (в Ипатьевской летописи). В НЛ о «черни» впервые сообщается под 1204 г. – в Повести о взятии Царьграда крестоносцами. При описании событий, связанных с самим Новгородом, о «черных людях» первый раз сказано в 1255 и 1259 гг. Появление «черных людей» Ю. Г. Алексеев считает «свидетельством далеко зашедшего процесса классового расслоения вечевой общины»<sup>166</sup>.

Большинство исследователей определяют «черных людей» как низший, но лично свободный слой городского населения. Это «рядовые непривилегированные новгородцы»<sup>167</sup>, «незнатные, но свободные и полноправные люди»<sup>168</sup>. «Чернь» при такой интерпретации стоит ниже бояр, житых и купцов, но выше смердов так же, как и община главного города была выше сельских общин в волости. Несколько иное объяснение предложили В. Л. Янин и М. Х. Алешковский. «В восстаниях второй половины XIII–XIV вв. участвуют „чернь“ и „меньшие люди“, противопоставляемые летописцами боярам. В них трудно увидеть только беднейших плебеев, поскольку для

<sup>166</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 270.

<sup>167</sup> Там же. С. 254.

<sup>168</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 337.

летописца все, кто не бояре – „чернь“, хотя среди нее имеются и богатейшие „купцы“. Это противопоставление „белых“, свободных от княжеского тягла, „черным“, находящимся в этом тягле. <...> „Чернь“, созывающая веча в XIII в., это не кто иные, как все те же купцы, противопоставляемые летописцем боярам», – пишет Алешковский<sup>169</sup>. Однако в XIV-XV вв. «купцы и житьи люди уже отделены не только от бояр, но и от черных людей, если не противопоставлены им»<sup>170</sup>.

В. Л. Янин, как и Алешковский, не ставит знак равенства между «чернью» и «плебсом» и также подчеркивает связь «черни» с княжеской (или государственной) юрисдикцией, ставя в один ряд со смежными понятиями: «чернокунец», «черная соха», «черный бор», «черные земли»<sup>171</sup>. С точки зрения Янина, из категории «меньших» или «черных людей» (в данной статье, в отличие от предшествующих работ, исследователь уже признает близость этих категорий) выделились житьи и купцы, после чего под «чернью» подразумевалась основная масса податного населения.

Как видим, Янин и Алешковский для более раннего периода развития новгородской общины не противопоставляют «чернь» и все другие слои как плебс и все остальное население. Историки указывают на взаимосвязь «черни» с другими группировками, ведь купцы (Алешковский, Алексеев<sup>172</sup>) или даже купцы и житьи (Янин) выделились из «черни». Однако затем – в XIV–XV вв. – понятие «черные люди» уже противопоставлено исследователями всем остальным слоям городского населения: не только боярам, но и житьям и купцам.

По мнению исследователей, высшие слои общины боролись за «черных людей», чтобы иметь в лице «черни» многочисленную поддержку. М. Х. Алешковский писал о политической борьбе в XIV–XV вв. следующее: «Она идет уже не только между боярами и князем, но и между боярами, и житьями,

<sup>169</sup> Алешковский М. Х. Социальные основы... С. 107.

<sup>170</sup> Там же.

<sup>171</sup> Янин В. Л. Социально-политическая структура ... С. 92.

<sup>172</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 257.

и купцами за черных людей. Бояре соблазняют их богатой добычей в «ушкуйнических» походах, житьи добиваются их включения в состав веча, о чем свидетельствует появление в титулатуре договоров и посольств „черных людей“, усиление роли „Всего Новгорода“»<sup>173</sup>.

В. Л. Янин рисовал следующую картину жизни «черных людей» в XIV в. «Боярские группировки в борьбе между собой и с житыми то и дело вынуждены были обращаться за народной поддержкой, используя в своих целях социальный антагонизм черного люда, его недовольство политикой наличных властей», – писал он<sup>174</sup>. В XIV в., по мнению исследователя, при сохранении республиканских порядков еще была видимость участия черни в политической жизни (при все усиливающейся господствующей роли бояр)<sup>175</sup>. Дальнейшее развитие общины связано с ее распадом и ликвидацией вечевого строя. В результате отказа черни в поддержке боярам во второй половине XV в. произошло падение новгородской независимости. Истоки этого судьбоносного отказа Бернадский увидел еще в событиях 1340-1341 гг., которые будут рассмотрены ниже<sup>176</sup>.

Необходимо подробнее остановиться на сообщениях XIV в., в которых упомянуты «черные люди». Черные люди упомянуты в летописи под 1315 г. при описании битвы под Торжком. «...Новгородчии бояре бес черныхъ людии», – гласит сообщение Н4Л<sup>177</sup> (Н1Л не говорит о «черных людях» в сообщениях о тех же событиях, упомянуты только новгородцы и новоторжцы, бояре, купцы, добрые мужи). С одной стороны, речь идёт об отсутствии этой социальной категории. С другой стороны, если летописец отметил это отсутствие, значит, этот факт неслучайно привлёк его внимание. С точки зрения А. В. Петрова, отсутствие «черных» людей в войске может быть

<sup>173</sup> Алешковский М. Х. Социальные основы... С. 107.

<sup>174</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 435.

<sup>175</sup> Там же. С. 438.

<sup>176</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 34-35.

<sup>177</sup> Н4Л. С. 256.

объяснено «их особой политической позицией, как и в случае отказа „черни“ воевать в 1340 г.»<sup>178</sup>

Под 1340 годом вновь говорится о «черных людях», «черни». И вновь речь идет об их неучастии. В ходе событий этого года, связанных с московско-новгородским противостоянием в Торжке, новгородская «чернь» отказалась отправиться в Торжок для помощи уже расположенному там новгородскому контингенту<sup>179</sup>. «Состоялось ли ее особое „крамольное“ вече или, что вероятнее, летописные слова надо понимать в том смысле, что в решении всесословного общеновгородского вечевого собрания сказались настроения большинства его участников, т.е. „черных людей“? Как бы то ни было, „черные люди“ выразили свое несогласие с боярами и, следовательно, свою особую политическую позицию», – пишет А. В. Петров<sup>180</sup>. За отказом новгородской черни последовало выступление «черных людей» против бояр в Торжке. В сообщении 1340 г. П. В. Лукин увидел довод в пользу того, что «чернь действительно имела возможность уклониться от участия в военных действиях, если считала их для себя нежелательными»<sup>181</sup>.

В 1342 г. после того, как в Новгород пришла весть о смерти Луки Варфоломеевича, новгородская «чернь» «въсташа» на посадника Фёдора Данилова и Одрешку, полагая, что именно они повинны в гибели Луки<sup>182</sup>. Были разграблены дома и сёла этих двух лиц. Выступление «чёрных» людей переросло в нечто большее – борьбу двух сторон города.

«Черные люди» несколько раз упомянуты в актовом материале. Первое из них относится к договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи (1376 г.): а от черныхъ людей Воиславъ Поповичъ, Василей Огафоновъ»<sup>183</sup>. Первое указание на то, что грамота написана в том числе и от имени «черных людей» относится к 1374–1375 гг.<sup>184</sup>.

<sup>178</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 250.

<sup>179</sup> НІЛ. С. 353.

<sup>180</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 250.

<sup>181</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 348.

<sup>182</sup> НІЛ. С. 356.

<sup>183</sup> ГВНП. С. 31.

<sup>184</sup> Там же. С. 32.



Подробнее представительство от «черни» (и от других категорий) будет рассмотрено в 5 главе.

Несмотря на низшее положение «черни» в социальной иерархии городского населения, представители этого социального слоя были полноправными членами городской общины. Из современных исследователей это положение обосновывает П. В. Лукин, который считает, что новгородской «старине», периоду независимости «соответствовало привилегированное положение корпорации свободных горожан („городовых людей“), в свою очередь, разделявшейся на разные категории (духовенство, купцов, черных людей и др.), которые фактически выступали как коллективный сюзерен по отношению к волостным, сельским жителям»<sup>185</sup>. П. В. Лукин, в отличие от В. Л. Янина, не отрицает участие «черни» в вечевых собраниях вплоть до падения независимости Новгородской республики<sup>186</sup>.

## **§2. «Молодцы», «молодые люди», ушкуйники**

Необходимо остановиться на таком важном для XIV в. явлении новгородской жизни, как ушкуйничество. Вопрос о хронологических рамках грабительских новгородских походов, совершаемых «без слова новгородского, решался в историографии по-разному. В. Н. Бернадский считал, что «ушкуйнические» походы связаны с периодом XIV – начала XV вв. В перечень этих походов исследователь включает 18 военных предприятий, которые произошли в промежутке между 1320 и 1409 гг. «Ушкуйнические» походы, по мнению Бернадского, отличались от кампаний

<sup>185</sup> Лукин П. В. Новгородское вече... С. 318.

<sup>186</sup> Там же. С. 332.

предшествующего времени и направлением (ушкуйники совершали походы в «далекие и сравнительно заселенные края»<sup>187</sup> – Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье), и размерами отрядов («не десятки воинов, а сотни, порою даже тысячи отправлялись на ушкуйях в поход за добычей»<sup>188</sup>). А. В. Петров вслед за Бернадским считает, что время рождения «ушкуйничества» – это XIV в., а не более ранний период: «В XIV в. эти походы стали характеризоваться особыми чертами, позволяющими говорить о них как об относительно новом и самостоятельном социальном движении»<sup>189</sup>. Окончание «ушкуйнических» походов Петров, как и Бернадский, связывает с началом XV в.<sup>190</sup> В то же время некоторые исследователи считают «ушкуйническими» не только походы XIV - начала XV вв., но и предприятия более раннего и более позднего времени. А. В. Быков отсчитывает походы молодцев-ушкуйников с похода 1186 г. на емь, делая замечание о том, что и поход 1035 г. на «Железная врата» можно причислить к «ушкуйническим»<sup>191</sup>. К последним он причисляет широкий круг военных предприятий, в том числе и те, главные действующие лица в которых – «молодцы», «молодые люди» или просто новгородцы. А. В. Быков убежден в том, что походы ушкуйников продолжались вплоть до 70-х гг. XV в., т.е. до падения независимости Новгорода.

Однако все исследователи согласны в том, что новгородские походы рассматриваемого XIV в. нужно отнести к «ушкуйническим».

Не всегда участники грабительских новгородских походов XIV–XV вв. назывались в летописи «ушкуйниками». Сам термин «ушкуйники», по предположению Бернадского, «не новгородского происхождения» и «не приобрел в Новгороде широкого распространения»<sup>192</sup>, ведь это слово не встречается в НЛ. Ушкуйники могли называться «молодцами», «молодыми людьми», «разбойниками» или просто «новгородцами». Весьма показательны

<sup>187</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 47.

<sup>188</sup> Там же.

<sup>189</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 257.

<sup>190</sup> Там же. С. 258.

<sup>191</sup> Быков А. В. Новгородское войско... С. 96.

<sup>192</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 37.

сообщения летописей о событиях 1366 г. Бернадский насчитал 3 варианта рассказов о походе новгородцев на Волгу в этом году<sup>193</sup>. Первый вариант – новгородский: Н1Л сообщает о походе «молодых людей». Два других варианта – низовские. В одном случае речь идет о новгородских «разбойниках» в ушкуях, в другом – о «новгородцах» в ушкуях. Как видим, ушкуйники могли именоваться и «молодыми людьми», и «разбойниками», и «новгородцами». Действующие лица похода 1340 г. на Устюжну и Белозерье – это «молодцы» в Н1Л<sup>194</sup> и Н4Л<sup>195</sup> и «новгородцы» в С1Л<sup>196</sup>. Ушкуи и ушкуйники не упомянуты, однако исследователи считают, что этот поход был именно «ушкуйническим»<sup>197</sup>. Таким образом, при рассмотрении новгородских разбойнических походов XIV в. стоит обращать внимание и на упоминания альтернативных названий «ушкуйников».

С точки зрения А. В. Быкова, группировки молодцев-ушкуйников отличали следующие черты: военно-грабительские походы как источник заработка и основной вид деятельности, обособленность и от ополчения, и от княжеского войска. «Это были добровольно собравшиеся в поход воины, целью которых было получение наживы от ограбления территории противника», – пишет исследователь<sup>198</sup>.

Бернадский считает, что «ушкуйничество» было «попыткой путем походов в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье расширить территорию новгородских волостей, т.е. территорию, которую новгородцы грабили и с которой собирали дань»<sup>199</sup>.

А. Ю. Дворниченко считает «ушкуйничество» проявлением социального напряжения, нарастанию которого способствовала социальная дифференциация<sup>200</sup>.

<sup>193</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 40–41.

<sup>194</sup> Н1Л. С. 351.

<sup>195</sup> Н4Л. С. 267.

<sup>196</sup> С1Л. С. 412.

<sup>197</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 39; Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 257.

<sup>198</sup> Быков А. В. Новгородское войско... С. 95.

<sup>199</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 47.

<sup>200</sup> Дворниченко А. Ю. Российская история... С. 215.

В контексте рассмотрения социальной истории Новгорода XIV в. важен вопрос о социальной базе «ушкуйнических» походов.

Исследователи отмечают, что грабительские походы XIV в. совершались «чернью». А организаторами походов выступали бояре. «Новгородские верхи не склонны были задерживать в Новгороде или в Новгородской земле избыток „черных людей“, доставлявших так много беспокойства в многочисленных народных восстаниях этих лет», – пишет Бернадский<sup>201</sup>.

А. В. Петров считает, что ушкуйников по социальной базе можно соотнести с «крамольниками», повинных в «пожарных грабежах» XIV в.: «“Крамольное“ поведение новгородской „черни“ может быть соотнесено с движением „ушкуйников“. Общим было то, что „крамольники“ и „ушкуйники“ действовали „без новгородского слова“, а то и вопреки ему. Сближала оба явления также и социальная среда, питавшая как тех, так и других. Конечно, вопросы о социальном составе и об исходной территориальной базе „ушкуйничества“ не просты. Но не подлежит сомнению, что среди отправлявшихся в далекие грабительские походы удальцов было немало новгородских „черных людей“. Бояре обычно выступали организаторами этих походов, а „черные люди“ – их рядовыми участниками»<sup>202</sup>.

А. В. Быков полагает, что группировка молодцев-ушкуйников могла пополняться не только за счет городских низов, но и за счет младших детей из боярских семей<sup>203</sup>.

---

<sup>201</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 48.

<sup>202</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 258.

<sup>203</sup> Быков А. В. Новгородское войско... С. 95–96.

### §3. «Простая чадь», «крамолници»

В ряде случаев летописи фиксируют причастность к драматическим новгородским событиям городских низов: «чёрных» людей (или «черни»), «простой чади». Необходимо отделять социальные категории от оценочных суждений летописца: «злии человекѣци», «крамолници» и др. В то же время ряд исследователей полагает, что за названными понятиями скрываются именно городские низы. В летописном сообщении о 1337 г. есть аргументы в пользу того, что «крамольники» – это именно нижний слой городской общины. В этом году произошло выступление «простой чади» против архимандрита Есифа<sup>204</sup>. Заключённого в церковь архимандрита остаются стеречь «коромолници». Если предположить, что все эти действия против Есифа совершала одна и та же группа, то получается, что «крамольники» – это и есть «простая чадь». Принадлежность последней к низам ясна из названия этой группировки. «Это мелкие свободные землевладельцы-земледельцы, составлявшие основную массу жителей новгородских концов и улиц, горожане, тесно связанные с пригородным сельским хозяйством», – пишет Ю. Г. Алексеев о «простой чади»<sup>205</sup>. «„Чадь“ происходит от „чада“, „дети“, т.е. это те же самые молодые, меньшие, только с ясным указанием на принадлежность их к простому народу» – пишет О. В. Мартышин<sup>206</sup>. Таким образом, можно исходить из того, что за «крамольным движением» стояла новгородская «чернь». «Крамольников» и «лихих людей» соотносил с «чернью» В. Н. Бернадский<sup>207</sup>.

<sup>204</sup> НЛ. С. 347.

<sup>205</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди» ... С. 247.

<sup>206</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>207</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 32-33.

Остаётся ещё одна оценочная категория – «злии» или «оканьнии» «человѣци». Именно так называет летописец тех, кто в 1311 г. занимался грабежом во время пожара в городе<sup>208</sup>. А. В. Петров считает, что «пожарные грабители, скорее всего, малоимущие представители городских низов Волховской столицы»<sup>209</sup>.

Как проявили себя рассматриваемые категории в XIV в.? В 1327 г. был «мятежь» в Новгороде, в ходе которого был ограблен и сожжён двор Остафия Дворянинцева (тысяцкого)<sup>210</sup>. С точки зрения А. В. Петрова, за этим происшествием могли стоять не одни «крамольники», а весь Новгород: «Тысяцкий мог быть наказан городской общиной как целым, а упомянутый „грабежь“ являться формой законной вечевой расправы»<sup>211</sup>.

В 1332 г. вновь заявляют о себе «крамольники», в результате выступления которых происходит смена посадников<sup>212</sup>. Ещё одним следствием «крамолы» стало ограбление двора Семёна Судакова и сёл его брата Сенефонта. В. Л. Янин увидел в произошедших событиях территориальный конфликт<sup>213</sup>. А. В. Петров считает, что причиной «крамолы» 1332 г. был не территориальный конфликт, а социальный, связанный с недовольством «черни» всего Новгорода (а не отдельных территорий)<sup>214</sup>. В 1337 г. произошло рассмотренное в начале параграфа выступление «крамольной» «простой чади» против архимандрита Есифа.

Таким образом, все рассмотренные в данной главе категории – «молодцы» и «молодые люди», связанные с «ушкуйническими» походами, и «крамольники», связанные с городскими грабежами, относились к «меньшим» и состояли из новгородской «черни».

Завершая рассмотрение категории «меньших», стоит вслед за Яниным признать, что социальная поляризация на протяжении XII–XV вв. наиболее

<sup>208</sup> НІЛ. С. 93.

<sup>209</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 240.

<sup>210</sup> НІЛ. С. 98.

<sup>211</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 243.

<sup>212</sup> НІЛ. С. 99.

<sup>213</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 263.

<sup>214</sup> Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 243.

интенсивно проходила именно в новгородских низах. В ходе этого процесса «меньшая часть горожан поднималась до уровня феодалов, порой весьма значительных, а большая опускалась до положения городских низов»<sup>215</sup>. В то же время исследователь мог недооценить уровень социальной поляризации в среде «вятших», прежде всего в боярской корпорации, которая, как было показано, также не была однородной группировкой.

---

<sup>215</sup> Янин В. Л. Социально-политическая структура ... С. 91.

## Глава 5. Представление новгородской общины и упоминания купцов в актовом материале

### §1. Представление новгородской общины в начальной части договорных грамот Новгорода с князьями

В начале договорных грамот Новгорода с князьями традиционно помещалась часть, в которой лаконично или пространно представлялась новгородская сторона. Эти части актов заслуживают особого внимания в контексте рассмотрения эволюции новгородской общины. Как писал В. Ф. Андреев, в грамотах «как на групповой фотографии, перед нами все те, кто решал на вече важные вопросы и гордо именовал себя Господином Государем Великим Новгородом»<sup>216</sup>.

Настоящий параграф посвящен анализу именно договорных грамот Новгорода с князьями, ведь иные разновидности актового материала (грамоты отношений Новгорода с Западом, грамоты внутреннего управления Новгорода, частные грамоты) содержат значительно меньше информации о новгородской общине.

Представление новгородской стороны в грамотах строилось по определенному образцу. Классической формулой новгородских договорных грамот с князем можно считать следующую: «Благословление от владыкы, поклонъ от посадника Гюргя, и от тысяцкого, и от всѣх старѣишихъ, и от всѣхъ мншихъ, и от всего Новагорода...»<sup>217</sup>. В то же время далеко не всегда этот формуляр соблюдался. В ряде грамот не упомянут владыка. В других пропущен тысяцкий. В одной грамоте ничего не говорится даже о посаднике

---

<sup>216</sup> Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Л., 1983. С. 50–51.

<sup>217</sup> ГВНП. С. 15.



(который упомянут во всех остальных): «А на семь на всемь, господине князь великий Борись Александровичь, челуи крьсть ко всему Великому Новгороду». Формулировку «и от всех старейших, и от всех меньших», как было показано в первой главе, мы находим не во всех грамотах. Однако в целом договорные грамоты XIII – сер. XV вв. следуют приведённому выше образцу. В грамотах середины XV в., завершающего периода новгородской независимости, представление новгородской стороны меняется (возможно, под московским влиянием), становясь более длинным, базируясь на перечислении всех присутствующих при заключении грамоты лиц.

При изучении актового материала XIV в. мы находим важное изменение в начальной, представительной части грамот. Оно содержится в грамоте Новгорода послам Юрию и Якиму с наказом об условиях заключения мирного договора с тверским великим князем Михаилом Александровичем (1374-1375 гг., согласно датировке В. Л. Янина): «От посадника Михаила, от тысяцкого Матфѣя, от боярь, и от житыхъ людѣи, и от чорныхъ людѣи, и от всего Новагорода»<sup>218</sup>. Это первая грамота, во вступительной части которой упомянуты не только должностные лица и «весь Новгород», но и конкретные социальные группы: бояре, житыи и «черные люди». Ю. Г. Алексеев увидел в этом изменении свидетельство дальнейшей дифференциации новгородской общины. «Старая социальная группа „меньших“ впервые в официальном документе раскололась, отразив тем самым изменения, накопившиеся в новгородском обществе за 100 с лишним лет», – пишет Алексеев<sup>219</sup>. Исследователь считает, что в XIV в. «прежнее двучленное деление общества [на старейших и меньших – Л.К.] становится уже недостаточным»<sup>220</sup>. Действительно, рассмотренное в этом параграфе появление трехчленной формулы произошло вскоре после исчезновения из актового материала выражения «и от всех старейших, и от всех меньших». Это исчезновение и

---

<sup>218</sup> ГВНП. С. 32.

<sup>219</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 255.

<sup>220</sup> Там же. С. 256.

появление нового варианта вступительной части грамот – проявления единого процесса дифференциации новгородской общины, как отметил в своей статье Ю. Г. Алексеев. Вряд ли можно согласиться с О. В. Мартышиным, который указывает на сосуществование старой (старейшие и меньшие) и новой (бояре, житьи, «черные люди») формул<sup>221</sup>, а не на замену одной другой. Переход от старой двойной формулы к новой тройной наглядно можно проследить по таблице 1, находящейся в приложении данной работы. Сразу же после исчезновения выражения «и от всех старейших, и от всех меньших» появляются первые упоминания «черных людей» и житьих, о которых ничего не говорилось до этого.

В грамоте 1461 г. начальная часть грамоты строится также по новому образцу: «От посадника Великого Новагорода степенного Офонаса Остафьевичя, и от всѣхъ старыхъ посадниковъ, и от тысяцкого Великого Новагорода степенного Михаила Ондрѣевичя, и от всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и от боярь, и от житьихъ людеи, и от купцов, и от черныхъ людеи, и от всего Великого Новагорода». Здесь зафиксировано еще более широкое представительство: упомянуты купцы.

По каким принципам строятся формулировки, представляющие новгородскую общину в договорных грамотах? О. В. Мартышин, полемизируя с В. Л. Яниным (который полагал, что «весь Новгород» не включает в себя «старейших» и «меньших», а дополняет эти две категории), писал по этому поводу: «Традиционное описание новгородской стороны в переговорах с князьями построено не по единому принципу и не состоит из взаимоисключающих элементов. Оно составлено так, чтобы создать впечатление всеобъемлющего представительства, охватывающего действительно весь город. В нем комбинируются три элемента: должностной

<sup>221</sup> «Усложнение социальной структуры, усиление классовой дифференциации привело к тому, что параллельно с делением на старейших и младших появляется трехчленное деление на бояр, житьих и черных людей, иногда в этот перечень включаются и купцы», «О тождестве бояр старейшим можно было бы говорить, если бы трехчленное деление новгородского общества (бояре, житьи, черные) вытеснило бы двухчленное (старейшие и младшие). Но этого не произошло. Старая и новая формула хронологически соседствуют» (Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021)).

(владыка, посадник, тысяцкий, сотские), социальный (представители населения – в разных вариантах – от старейших и меньших, бояр, житых и т. п.) и самый общий, вводимый для усиления, при очевидном смысловом повторе (от всего Новгорода). Конечно, в „весь Новгород“ входят и владыка, и городские сановники, и разные слои населения. Но формула идет на этот алогизм, чтобы подчеркнуть, что действительно весь город вступает в соглашение с князем, чтобы исключить мысль о неполноте, неавторитетности представительства. Поэтому „весь Новгород“ не исключает никого – ни старейших, ни меньших бояр, а, напротив, все охватывает»<sup>222</sup>.

Действительно, в грамотах важное значение имело декларативное подчеркивание единства общины, от имени которой заключался акт. Слова «весь Новгород» – одно из проявлений этой особенности. Другие формулировки грамот также неоднократно подчёркивают то, что договоры заключаются от лица всего города. В этом сказывается стремление новгородцев к «одиначеству», единству<sup>223</sup>. Весьма показательна договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире 1326 г. Последняя заключена с новгородцами, «всеми и каждым»<sup>224</sup>. Крест для подтверждения этой договорной грамоты целовали посадник и тысяцкий «со стороны всех новгородцев»<sup>225</sup>. Список одной из договорных грамот (заключённой новгородцами в 1376 г. с Дмитрием Ивановичем) даже носит название «О одинач[ь]ствѣ»<sup>226</sup>.

Но необходимо разделять декларативный пафос грамот и действительное представительство. Какие представители общины присутствовали при заключении той или иной грамоты? Возможно, что не все,

<sup>222</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>223</sup> Об «одиначестве» как историческом феномене см.: Петров А. В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С.71–83. Об «одиначестве» в контексте избрания новгородских посадников и тысяцких см.: Лукин П. В. Новгородское вече... С. 366-367.

<sup>224</sup> ГВНП. С. 69.

<sup>225</sup> Там же. С. 70.

<sup>226</sup> Там же. С. 31.

перечисленные в начальных формулировках, где часто упомянут в качестве субъекта заключения договора «весь Новгород».

Начальные формулы отмечают тех, от имени кого подписывалась грамота. В ряде документов (1326, 1371, 1372 гг.) упомянуты участники процедуры «крестоцелования». Количество тех, кто целовал крест, отличается от перечня в начальных формулировках грамот в меньшую сторону. В договорной грамоте 1326 г. крест целуют посадник и тысяцкий, в то время как в начальной формулировке упомянут и архиепископ. В документе 1372 г. обозначенную процедуру проходят вновь только посадник и тысяцкий, а в начале грамоты дан значительно более обширный перечень: «От архиепископа новгородского Алексея, от великого князя наместника Александра, от посадника Михаила, от тысяцкого Матвея, от старост купеческих Якима и Фёдора, от всех купцов и от всего Новгорода»<sup>227</sup>. Можно предположить, что упомянутые в грамотах субъекты «крестоцелования» – действительные участники заключения договоров.

То же можно сказать и о перечислении в начальной части грамот социальных слоев, от имени которых написана грамота. Наиболее широкое представительство зафиксировано в рассмотренных выше грамотах 1374–1375 гг. и 1461 г.: в первой названы бояре, житьи и «черные люди», во второй – все три уже названные, а также купцы. Получается, что с заключением грамоты были связаны все известные слои городского населения. Но В. Л. Янин увидел в формуле грамоты 1461 г. декларативность, которая не отражала действительное широкое представительство: «[формула] не может восприниматься в ее конкретности хотя бы потому, что представительство от „черных людей“ уже в XIV в. было узурпировано боярами»<sup>228</sup>. Последний тезис (об узурпации представительства от «черных») повторяется исследователем несколько раз, однако не аргументируется. В целом же, Янин занимает довольно спорную позицию, нивелирующую значение всех

---

<sup>227</sup> ГВНП. С. 76.

<sup>228</sup> Янин В. Л. Социально-политическая структура ... С. 94.

социальных слоев, кроме бояр (по крайней мере по отношению к позднему периоду Новгородской республики): «Практически представительство от всего Новгорода – старейших, меньших, купцов и черных людей – осуществлялось двумя боярами [посадником и тысяцким – Л.К.] и было действительным представительством от боярства и фиктивным от всех остальных сословий»<sup>229</sup>.

В то же время следует согласиться с Яниным в том, что не всегда грамоты с перечислением групп, от имени которых написан акт, могут отражать действительность. Возможно, большего внимания при определении социального представительства заслуживают грамоты, в которых перечислены конкретные лица, присутствующие при заключении акта (ведь в грамотах указана их социальная принадлежность). Представительство бояр оставалось постоянным и неизменным фактором. Однако, как отметил В. Л. Янин, «тенденция боярства сосредоточить в своих руках все виды государственного представительства наталкивалась на встречную тенденцию житых, купцов и черных людей иметь собственных представителей при совершении важнейших политических актов»<sup>230</sup>. «Бояре стремились представлять „весь Новгород“, все его сословия, подменяя их интересы задачами собственной политики. Между тем ни житьи, ни купцы, ни черные люди не могли поддерживать этой тенденции, стремясь к созданию собственного представительства»<sup>231</sup>.

Помимо бояр, чье представительство оставалось постоянным и неизменным, в некоторых грамотах XIV в. названы и другие слои. Заслуживает внимания Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи (1376 г.). Здесь перечислены участники посольства: «Се приѣхали ко мнѣ, к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексѣя, и от посадника Юрья,

<sup>229</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 422.

<sup>230</sup> Там же. С. 421.

<sup>231</sup> Там же.

от тысячцково Олисъя, и ото всего Новагорода Иванъ посадникъ, Василеи Федоровъ, Иванъ Борисовъ, а от черныхъ люди Воиславъ Поповичъ, Василеи Огафоновъ»<sup>232</sup>. Мы находим один из двух зафиксированных в актовом материале случай присутствия «черных людей» в посольстве<sup>233</sup>. Эти случаи противоречат приведенному выше тезису Янина (о том, что в XIV в. «представительство от „черных людей“ узурпируется боярством»<sup>234</sup>). Исследователь отметил все случаи представительства от «черных», однако они не изменили его категоричную позицию: «В отличие от житых и купцов черный люд Новгорода не располагал никакими формами участия в выборных органах. Исключением является лишь представительство от черных во время заключения договора с великим князем Дмитрием Ивановичем, договора с Василием Васильевичем в 1435 г. и посольство от черных во время переговоров с Иваном III в 1477–1478 гг., но последнее было сформировано в экстраординарных обстоятельствах», – пишет исследователь<sup>235</sup>.

В то же время грамота 1376 г., по мнению Янина, отмечает присутствие житых: «По-видимому, первый случай формирования особого представительства от разных сословий наблюдается в 1370-х гг., во время заключения договора с Дмитрием Ивановичем о взаимной помощи: „Се приехали ко мне к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего Воислав Поповичъ, Василеи Огафонов“. Житыи здесь не названы, однако с почти полной несомненностью мы можем отнести к числу их представителей Василия Федорова и Ивана Борисова. Иначе состав посольства к великому князю Дмитрию станет совершенно непонятным»<sup>236</sup>. Образование особых представительств от житых при совершении государственных актов исследователь связывает с последней четвертью XIV в.<sup>237</sup> Однако их посольства не были постоянными, «формировались лишь по

---

<sup>232</sup> ГВНП. С. 31.

<sup>233</sup> Второй случай зафиксирован в грамоте 1424 г.

<sup>234</sup> Янин В. Л. Социально-политическая структура ... С. 92.

<sup>235</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 434–435.

<sup>236</sup> Там же. С. 424–425.

<sup>237</sup> Там же. С. 425.

мере возникновения потребности»<sup>238</sup>. Однако даже если вслед за Яниным признать фиктивный характер представительства от житых<sup>239</sup>, то сам факт их присутствия при заключении большей части актов со второй половины XIV до последних лет новгородской независимости остается несомненным. Представительство от житых наглядно представлено в таблице 1, расположенной в приложении.

М. А. Несиным было показано что, в качестве представителей от житых могли выступать и бояре<sup>240</sup>.

Представительство от купцов в договорных грамотах Новгорода с князьями XIV в. не зафиксировано. Некоторые объяснения этого отсутствия будут приведены в следующем параграфе.

## §2. Купечество

Несмотря на довольно обширный перечень социальных категорий в формулировке грамоты 1372 г., в последней не нашлось места купцам. Как и во всех остальных договорных грамотах с князьями, написанных до середины XV в. «Умолчание о купцах в этом контексте (как и во вступительной формуле этой и большинства других новгородско-княжеских грамот) свидетельствует, что купцы, как таковые, особой социальной группы в конце XIV в. не составляли», – пишет Ю. Г. Алексеев<sup>241</sup>. К подобным выводам привело отсутствие купцов и Янина: «На протяжении всей истории независимого Новгорода купечество ни разу не получило права выступать от лица

---

<sup>238</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 424–425.

<sup>239</sup> Там же. С. 426.

<sup>240</sup> Несин М.А. Новгородские житы люди ... С. 272–273.

<sup>241</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 256.

Новгорода рядом с боярами и житыми людьми. При совершении актов, касавшихся отношений Новгорода с великим князем, т. е. документов, наиболее четко выражавших принципы республиканского суверенитета, представители купечества не участвуют в посольствах»<sup>242</sup>. С этим мнением согласились не все исследователи. С точки зрения О. В. Мартышина, купцы могли скрываться в формулировках новгородско-княжеских докончаний «под маской» житых людей: «Мы полагаем, что купеческие представители просто охватывались понятием житых, почти неизменных участников поздних переговоров Новгорода с князьями»<sup>243</sup>. Исследователь считает что, несмотря на отсутствие упоминания о купцах в ряде грамот, эта категория оставалась «реальным и постоянным фактором общественной жизни торгового города...»<sup>244</sup>. Соккрытие купцов за житыми людьми в ряде грамот доказывается тем, что купцы исчезают из формулировок документов в то же время, когда там появляются житьи люди. О. В. Мартышин полагает, что купцы могли также быть не только в рядах житых, но и среди «чёрных» людей (это зависело от достатка)<sup>245</sup>. В то же время сама возможность замещения купцов житыми или «чёрными» людьми подтверждает вывод некоторых исследователей (К. Хеллера, Н. И. Костомарова): купечество – это не столько социальная категория, сколько профессия, занятие, которое было доступно всем. На профессиональный, а не социальный характер новгородского купечества указывал и Ю. Г. Алексеев: «По-видимому, купцы XIII–XIV вв. особой организации в Новгороде не имели, а их участие в политической жизни города-земли определялось их принадлежностью к тому или иному основному сословию – сначала к старейшим или меньшим, позднее к боярам, или житым, или черным»<sup>246</sup>.

<sup>242</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 426.

<sup>243</sup> Мартышин О. В. Вольный Новгород... URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).

<sup>244</sup> Там же.

<sup>245</sup> Там же.

<sup>246</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 258.



В грамотах отношений Новгорода с Западом новгородские купцы упоминаются значительно чаще. Здесь мы найдём упоминания купцов и купеческих старост, которые были вовлечены в торговое взаимодействие с ганзейскими странами. Ю. Г. Алексеев убеждён в том, что купцы в данных договорах выступают «в своем профессиональном, а не социальном качестве»<sup>247</sup>. Перечень актов, в которых названы купеческие старосты дан Яниным: «Их называют документы 1269, 1301, 1342, 1371, 1372, 1412, 1434, 1436, 1439, 1448, 1450, 1466 гг. В большинстве этих документов старосты названы по имени. Лишь в акте 1342 г. упомянут один купеческий староста; во всех остальных случаях их – два, что соответствует показаниям „Рукописания Всеволода“»<sup>248</sup>.

Как видим, в грамотах отношений с Западом купцы упоминаются достаточно часто. Как заметил Бернадский, такая частота создает у исследователя образ купеческого города<sup>249</sup>. Но множественность упоминаний, по мнению исследователя, контрастирует с незначительной ролью купцов во внешней и внутренней жизни Новгорода. Это противоречие Бернадский объясняет следующим образом: «Объяснение, естественно, нужно искать в том, что из населения Новгородской земли за рубежом бывали главным образом купцы, наиболее подвижная по характеру своей экономической деятельности социальная группа и наиболее подверженная всякого рода опасности со стороны князей и их слуг»<sup>250</sup>.

Параграф о купцах был помещен вне глав о «вятших» и «меньших», поскольку, как считают некоторые исследователи, купцы могли относиться как к первой, так и ко второй группе – в зависимости от достатка и социального положения. Летописью названы «вятшие» (1166 г.), «старейшие» (1215 г.) и «добрые» (1315 г.) купцы. Очевидна их принадлежность к высшему слою общины, к «вятшим». «Меньших» купцов (впрочем, как и «меньших» бояр)

<sup>247</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 258.

<sup>248</sup> Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 427.

<sup>249</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 161.

<sup>250</sup> Там же. С. 164.

летопись не называет. Однако очевидно, что в условиях социальной дифференциации купечество не было однородным.

### III. Заключение

Основные процессы, связанные с эволюцией городской общины Великого Новгорода в XIV в., – это усложнение социальных структур, дифференциация, разделение единой общности «новгородцев» на подгруппы и увеличение расстояния между верхами и низами общины.

В XIV в. двухчленное деление новгородской общины (на «малых» и «великих», «вятших и «меньших», «старейших» и «меньших») постепенно уходит в прошлое, ведь выражения «от мала и до велика», «и от всех старейших, и от всех меньших», отражающие двухчастную социальную структуру, именно в XIV в. исчезают из актового материала и летописей. То же самое можно сказать и об «абстрактных» социальных категориях («вятшие», «старейшие», «меньшие»): в сообщениях НЛ о событиях XIV в. мы их не находим. Актуальным становится более дробное деление общества на социальные слои, среди которых: бояре, житьи, купцы, «черные люди» (этот порядок, зафиксированный в грамоте, отражает социальную иерархию). Однако можно проследить преемственность двухчастной и многочастной формул, «абстрактных» категорий и конкретных социальных слоев. С определенной уверенностью можно отнести бояр и житьих к категории «вятших», а «черных людей» – к меньшим.

Какова эволюция отдельных социальных слоев Новгорода?

Боярство – основа категории «вятших» – упоминается в летописях все чаще и чаще, неизменно присутствует при заключении актов и участвует во всех сферах жизни города. Эти наблюдения согласуются с отмеченным исследователями ростом могущества этого элитарного социального слоя.

Житьи – категория, которая появляется только в XIV в. Весьма вероятно, что до первого упоминания житьих под 1380 г. они именовались «добрыми мужами». Житьи принадлежали к «вятшим», но стояли на социальной

лестнице ниже, чем бояре и не могли преодолеть барьер, отделяющий их от боярской корпорации. Начиная с конца XIV в., житьи наряду с боярами присутствуют при заключении актов и участвуют в важных событиях жизни Новгорода.

«Черные» люди, составляющие основу категории «меньших», упоминаются редко как в летописях, так и в актах. Их представители при заключении договоров отмечаются также довольно редко. Но в XIV в. они были активными участниками «ушкуйнических» походов и «крамольных» грабежей. Другие названия «черни»: «молодцы», «молодые люди», «простая чадь».

Категория купцов не проста для рассмотрения, ведь принадлежность к ней могла быть не социальной, а профессиональной. Представители купечества могли относиться как к группе «вятших», так и к категории «меньших» – в зависимости от достатка. Решение вопроса о представительстве купцов в XIV в. зависит от интерпретации их отсутствия в начальной части договорных грамот.

Таким образом, если позиции «вятших» в XIV в. укреплялись, и в последующем столетии их власть еще усиливается, то в среде «меньших» в рассматриваемый период теряли свои позиции, и XIV в. можно считать завершающим периодом их активности. Летописи и актовый материал свидетельствуют о том, что в XV в. они постепенно сходят с политической сцены.

Стоит отметить не только увеличение расстояния между верхами и низами, но и расслоение в отдельно взятых социальных группах, например, в среде бояр (о чем говорят летописные упоминания «добрых», «лучших» и «вятших» бояр) и купцов (летописью отмечены «вятшие», «старейшие» и «добрые» купцы).

Однако «социальные трещины»<sup>251</sup> еще не разрушили общину. Сохранение категории «новгородцев» и выражения «весь Новгород», следование принципу «одиначества», зафиксированные случаи равного кончанского представительства свидетельствуют о том, что, несмотря на социальную дифференциацию, увеличение дистанции между верхами и низами, относительные единство и монолитность общины в XIV в. сохранялись. В. Л. Янин увидел в этом только внешнюю сторону, ведь, несмотря на отраженное в актах широкое представительство, реальным могуществом, по мнению исследователя, обладало только боярство, представлявшее от своего имени «весь Новгород». Однако отмеченные исследователями по отношению к XV в. ликвидация вечевого строя<sup>252</sup> и распад общины<sup>253</sup> еще не произошли. В XIV в. основы Новгородской республики продолжали существовать. И один из базовых принципов вечевого строя – полноправие всех членов общины от бояр до «черных людей» – еще имел силу. Следовательно, несмотря на то, что «меньшие» в рассматриваемый период теряли свои позиции, они оставались участниками вечевых собраний, имели свое представительство и участвовали в жизни Новгорода.

---

<sup>251</sup> Алешковский М. Х. Социальные основы... С. 108.

<sup>252</sup> Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 437-438.

<sup>253</sup> Алексеев Ю.Г. «Черные люди»... С. 263-264.

## **IV. Список использованных источников и литературы**

### **Список использованных источников:**

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. – М.; Л., 1949. – 408 с.
2. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 640 с.
3. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001-2014 гг.). – Т. XII. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
4. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М.; Л., 1950. – 515 с.
5. ПСРЛ. Т. VI. Вып.1. Софийская первая летопись старшего извода. – М., Языки русской культуры. 2000. – 581 с.
6. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Новгородская четвёртая летопись. – М., 2000. – 728 с.
7. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. – М.; Л., 1949. – 464 с.
8. ПСРЛ. Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 224 с.

### **Список использованных словарей:**

1. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – СПб., 1893–1912. – Т. I–III.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М., 1988–2019. – Т. I–XII.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2015. – Вып. 1–30.
4. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.

5. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров / 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. Изд. 5-е. – СПб., 1994. – 544 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. Проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. – Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

### **Список использованной литературы:**

1. Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. – М.: Русская панорама, 2016. – 280 с.
2. Азбелев С. Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический формат. – 2016. – № 4. – С. 35–65.
3. Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. – 1979. – Т. 103. – С. 242–274.
4. Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. – 1974. – № 3. – С. 100–111.
5. Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. – Л.: Лениздат, 1983. – 144 с.
6. Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 1. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. – М., 1956. – С. 7–43.
7. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 395 с.
8. Быков А. В. Новгородское войско XI–XV веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Великий Новгород, 2006. – 318 с.

9. Вилкул Т. Л. «От мала и до велика». К происхождению книжной формулы // Сословия, институты и государственная власть в России: средние века и раннее Новое время: сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 354–359.
10. Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. – М.: Весь мир, 2013. – 232 с.
11. Дворниченко А. Ю. «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...» – о кн. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – Вып. 4. – 2011. – С. 152–157.
12. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. – М.: Весь Мир, 2010. – 944 с.
13. Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. – Вып. 10 (20). – СПб., 2005. – С. 75–95.
14. Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 512 с.
15. Лихачев Д. С. Текстология. – Л.: Наука, 1983. – 693 с.
16. Лукин П. В. Новгородское вече / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2018. – 674 с.
17. Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. – URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/176176/fulltext.htm) (дата обращения 29.04.2021).
18. Несин М. А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного



- дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 247-309. <[http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin\\_8](http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8)> (дата обращения 08.05.2021).
19. Петров А. В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 71–83.
20. Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы. Новгородские усьобицы. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. – 352 с.
21. Строков А. А. Борьба смердов и «черных» людей в Новгороде Великом // Новгородский исторический сборник. – 1937. – Вып. 2. – С. 39–40.
22. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 280 с.
23. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 269 с.
24. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1938. – 372 с.
25. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. – М.: Наука, 1991. – 381 с.
26. Янин В. Л. Новгородские посадники / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 511 с.
27. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
28. Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 79–95.
29. Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). – М., 1983. – С. 98–107.

## **V. Список иллюстративного материала**

Таблица 1 – Формула «от мала и до велика» в Н1Л.....	13
Таблица 2 – «Абстрактные» социальные категории в Н1Л мл.....	21
Таблица 3 – Социальные слои Новгорода в Н1Л мл.....	24
Таблица 4 – Альтернативные названия категории «меньших» в Н1Л мл.....	26

## VI. Приложения

Таблица 1 – Социальная терминология договорных грамот Новгородa с князьями

Номер грамоты по изданию ГВНП	Датировка грамоты по В.Л. Янину	«От мала и до велика»	«И от всех старейших, и от всех меньших».	«Весь Новгород»	Упоминание купцов	Упоминание «черных людей»	Упоминание житых
1	1264		+ <sup>254</sup>	+			
2	1264		+	+			
3	1268	+	+	+			
4	1296			+			
5	1296			+			
6	1305-1307		+	+			
7	1305-1307		+	+			
8	1305-1307			+			
9	1307		+	+			
10	1307		+	+			
11	1317			+			
12	1317			+			
13	1318			+			
14	1327	+		+			
15	1371		+	+			
16	1376			+		+	+ <sup>255</sup>
17	1374-1375			+		+	+
18	1376			+			
19	1424			+		+	
20	1446			+			
21	1461			+	+	+	+
22	1456			+			
23	1456			+			+

<sup>254</sup> Несколько иная формулировка: «...и от всехъ соцьскихъ, и от всехъ старѣишихъ...».

<sup>255</sup> В грамоте не говорится о принадлежности одного или нескольких из перечисленных лиц к житым. Однако В. Л. Янин считает, что названные в грамоте Василий Федоров и Иван Борисов – это житы. (Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 424–425).

24	1457- 1460						+
25	1471						+
26	1471			+			+
27	1471			+			+